

Scriptorium

И. ПРЫЖОВ



МОСКОВСКИЕ
ДУРЫ И ДУРАКИ

Scriptorium



Иван Прыжов

**МОСКОВСКИЕ
ДУРЫ И
ДУРАКИ**

Salamandra P.V.V.

Прыжов И. Г.

Московские дуры и дураки. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 140 с., илл. – (Scriptorium).

В настоящее издание вошли труды писателя, историка, этнографа и каторжника-«нечаевца» И. Г. Прыжова (1827-1885) «Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» и «26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков». В книгу также включен памфлет публициста Я. Горицкого «Протест Ивана Яковлевича, на господина Прыжова, за название его лжепророком», написанный от лица юродивого И. Я. Корейши.

ЖИТІЕ
ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА

ИЗВѢСТНАГО ПРОРОКА ВЪ МОСКВѢ.

ОБЪЯВЛЕНО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1860.

**ЖИТИЕ
ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА,**

известного пророка
в Москве



ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемое «*Житие Ивана Яковлевича*», известного пророка, доселе живущего в Москве, напечатано было в первый раз в журнале «*Наше Время*». Теперь является оно дополненным новыми сведениями и с приложением: 1) портрета Ивана Яковлевича; 2) свидетельства об Иване Яковлевиче Князя Алексея Долгорукова; 3) тридцати трех подлинных писем Ивана Яковлевича и 4) трех снимков с почерка его руки.

ЖИТИЕ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА.

Несмотря на то, что Иван Яковлевич Курейша очень нас интересует, мы все-таки долго не решились подойти к нему и подвергнуть его нашему изучению; не решились бы и теперь, если б не недавняя заметка о нем «*Московских Ведомостей*». Нас испугала она. Что было бы, думали мы, если б после этой заметки, в самом деле запретили доступ к Ивану Яковлевичу, идолу русской женщины? Где б тогда мы нашли подобной ему драгоценный остаток древней Руси? Где бы тогда могли мы исследовать ту атмосферу, которая теперь стоит спертою около него? И вот мы посетили его 28-го августа сего года, и результат нашего посещения спешим сообщить читателю. К великому нашему несчастью, мы не можем высказать всего, что накопилось у нас на душе, и что так хотелось бы высказать.

Древняя Русь, по единогласному свидетельству дошедших до нас памятников, была наполнена ханжами. Еще в XII веке благочестивый Даниил Заточник указывал на людей, которые «обходят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии». В некоторых актах упоминаются, как лица с весом, «страннии и кто одеяния иноческа свержет». Название «святошей» теперь бранное, а тогда пользовалось всеобщим сочувствием. Народ должен был делать заговоры «от старца и старицы, от посхимника и посхимницы» (Сах. 1, 54). Стоглав, протестуя против всего, «еже содеяхом зле», говорит о лживых пророках и о блаженных, лишенных разума, считавшихся за святых и творивших богомерзкие дела. И хотя в пустыне древней Руси потонули бесследно и глас собора и самый собор, но протест не прекратился. В 1636 г. жалуется на ханжей патриарх; их гонят: царь Алексей Михайлович в 1649 и 1655, и соборы 1666 (§ 11) и 1681 г.; но, несмотря на все, в 1689 г. снова

раздается голос патриарха, что «старцы и старицы бродят в мире и в мирских домех пребывают, и монашескому чину *ззор* приносят». Известны, ведь, старания Руси, чтобы все у ней было прилично, чтобы не было *ззору*, да чтоб иностранцы не увидали! И только в конце XVII века являются первые решительные меры против ханжества. В 1690 г. всех этих, которые за святых-то считались, велят бить кнутом и ссылать в Сибирь, а в 1694 г. брать в Стрелецкий Приказ.

При новом повороте жизни в XVIII веке, ханжи делаются более заметными, чем прежде, когда они были законным и обыкновенным явлением. Находятся люди, которые не боятся указывать на них с иной стороны. «Некоторые же, пишет Болтин, видели обман, но говорить не смели». И вот Татищев свидетельствует про двор царицы Прасковьи Федоровны, что он, от набожности, похож был на госпиталь юродов и ханжей, которые были в великом почитении у баб, в которых верили, которым целовали руки. «Сколько, говорит он в другом месте, есть людей, которые безумных ханжей и пустосвятов рассказы и враки паче Святого Писания почитают». Из них известны были в то время, Тимофей Архипович, сумасбродный подьячий, которого за святого и пророка суеврцы почитали; пророк Андреюшко и пустосвят Михайло, живший в Васильевском саду. Юродивый Михайло Босой был один из приближенных к царице Авдотье Федоровне. Что это были за люди и кто были их почитатели, можно видеть из слов Петра, сказавшего про них: «в церкви поют: спаси от бед! а на паперти на убийство деньги дают», потом из записок Берхгольца о дворе Прасковьи Ивановны в 1722 году. Берхголец рисует такие картины ханжества с развратом, что и вспомнить то о них гадко. Видя перед собою голый факт и не разумея духа его, Болтин думал, что *тот век* был в особенности благоприятен ханжам и лицемерам, «которые чудесам не верили, а пользу одну в них обретали» и, что будто бы от времени Петра Великого прекратились таковые чудотворения. Болтин, как видите, ошибался. Указ 25 Февраля 1717 г. велит *ловить* ханжей, и бить нещадно; о них не за-

бывают и в 1719 году в наказе, данном воеводам. Духовный регламент называет их бездельниками, которые по миру ходят бесстыдно, нахальством и лукавым смирением чужие труды посягают; в церкви же входить — не свое дело помышляют. Святейший синод в 1722 принужден действовать на них *увещанием*. Указы 1737 г. о кликушах и ханжах, 1732 о юродивых и 1739 о соблазнителях-ханжах представляют ряд мер против ханжества. Екатерина II считает нужным вывести в своих комедиях Ханжихиных и Суеверовых.

В различных родах ханжей первое место, как мы уже заметили, занимают уроды, юроды и убогие. Понятие об убогом определяется двойным образом, смотря по тому, кто определяет: древнерусский грамотник, или народ. По свидетельству известной беседы: «убогий о богатстве не печется не о чем же»; а пословица говорит: не то убогий, шо трошки 'мае, а то, шо не зна «годи» та усе жада'е. Убогие считались святыми так же как и уроды и калеки. У древнерусских ханжей был запрос на уродов, любовью которых можно было бы спасти свою душу, а потому они фабриковались так же, как и нищие. У своих детей, или у взятых на откуп или у детей краденных старцы и старицы выламывали руки и ноги, выковыривали глаза и сделав их таким образом уродами, воспитывали потом до юродства. Макаров говорит, что еще недавно наши города наполнены были толпами слепых, а по улицам ездили подводы с изуродованными людьми. Уроды одарены нездешнею силою. Так есть «трава нечуй ветер», которую находят только одни слепые. Предвещалось несчастье, если кто *слепца стрячет*, т. е. встретит (Шапов, 450). Уроды в нравственном смысле, т. е. дураки, безумные, идиоты, были уродами высшей школы и назывались «*юродивыми*». Искусственные юроды приготавливались или из детей или из нищих с юродственными склонностями, которые сманивались старицами. Были также притворные юроды, ибо юродство считалось почетным и выгодным занятием: «инии же творятся малоумии, а потом их видят целоумными» (А. А. Эксп. III, 264). Юродством называлось всякое бесчиние и безобра-

зие: ходить полуголым, кощунствовать над святыней и всяким приличием, драться на улицах, творить чудеса. Юроды были известны в глубокой древности. При Ольге, говорит Татишев, желающим креститься не возбраняли, но только смеялись над ними, называя их юродами (Тат. ист. 2, 43). Над ними ругались. В румянцевской рукописи о сивиллах, кумская сивилла рассказывает про Тарквиния, что он наругался над нею, *как над юродом*. Как много было в древней Руси *юродивых* и *блаженных*, мы можем заключить из того, что в одном только синодике синод. библ. (полуустав XVII века, № 665), после имен царей, цариц, святителей и патриархов, помещено двадцать пять юродивых, в числе которых три женщины: Ульяния, девица Феодосия и инока Леонида. Древнерусских юродов, мы можем изучать, в настоящее время, на живых образцах, сохраняющихся в матушке Москве, где, кроме Ивана Яковлевича, есть еще и другой пророк *Семен Митрич*, живущий на Смоленском рынке, в приходе церкви Св. Николая Чудотворца, что на Песках.

Мы не заметили в Иване Яковлевиче особенных остатков древнерусского язычества, и вообще он замечателен не столько своими собственными верованиями, — все это очень обыкновенно, — сколько тем культом, который его окружает и служительницею которого является «русская женщина».

Славянская женщина, в глубокой древности, имела религиозное значение. Подобно божеству, которому она служила, и самая природа ее получила космогоническое происхождение. Эта было светлое и чистое существо, это была дева в лучшем значении этого слова, (дева от санскритского *div* — блистать). До сих пор еще русская женщина хранит в душе своей память о прежнем своем религиозном значении, а в древней Руси это значение было ясно, общепонятно. На почве древнерусского мирозерцания светлые эпические девы сменились ведьмами, сестрами-колдуньями, тремя сестрами бабами-ягами, сестрами-лихорадками. Духом этих верований определяется смысл женщины-хороводницы, женщин, совершавших разные обряды,

например, опаживание полей, баб-лечеек, старушек-переходниц, собиравших травы, девки-пятницы, водимой в крестном ходу (дух. регламента) и всех женщин-ханжей. Читатель видел, что с приближением к новому времени воззвания против ханжей повторяются все чаще и чаще. Действительно, впоследствии, языческие верования стирались, тупели и мало-помалу переходили в ханжество. Таким образом, верования, бывшие когда-то искреннейшими верованиями всего народа, делаются принадлежностью одних ханжей. Осмысленные ими по-своему, верования эти живут до сих пор в лице стариц, юродивых, шутих, кликуш, богомолок, странниц; они живут и вообще в так называемой «русской женщине». «Русская женщина» не начинала еще своей христианской истории и лучшим доказательством на это служит жизнь Ивана Яковлевича.

Иван Яковлевич из Смоленских священнических детей*, учился в духовной академии, потом жил в Смоленске, занимаясь управлением чего-то, что-то наделал и ушел в лес, решившись юродствовать. Крестьяне нашли его в лесу копающим палкою землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было чисто в древнерусском духе. Тогда, обыкновенно, все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север Новгородской области; у них скоро являлась хижина, иначе келья; проходила по окрестности молва о совершавшихся там явлениях, в келье собиралось общество и т. д. Но хижине Ивана Яковлевича не суждено было никакого дальнейшего развития. Сорок три года тому назад, жила в Смоленске одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь невеста, сговоренная за одного из военных, отличившихся в войне 1812 года. Свадьба уж была назначена, но невесте вздумалось съездить к

* Брат его, Илья Яковлевич, был в военной службе, достиг степени капитана, вышел в отставку, и был где-то смотрителем. Живет он в Москве.

Ивану Яковлевичу. Вот мать и дочь, взяв с собой няньку и девку, садятся в карету, запряженную в шестерик, едут в лес, входят в хижину Ивана Яковлевича и спрашивают у него: счастлива ли будет за мужем такая-то раба Божия? Иван Яковлевич, вместо ответа, вскакивает с своего места, где сидел, стучит кулаками о стал и кричит: «разбойники! воры! бей! бей!»*. Воротившись домой, невеста объявила матери, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Узнав про неожиданный отказ, жених стал выпытывать у людей невесты причину и узнал, что его невеста была у Ивана Яковлевича, и что он сказал ей что-то очень дурное про ее жениха. Жених, это был Э—ь, тотчас же отправился к Ивану Яковлевичу и, рассказывали мне, переломал ему ноги, а потом просил смоленского губернатора избавить общество от этого изувера, который расстраивает семейные дела. В Смоленске, разрушенном войною, не было тогда дома умалишенных, поэтому тамошний губернатор переписался с московским губернатором (эта переписка, вероятно, цела, — издать бы ее!), и вот Иван Яковлевич посажен в московский «безумный дом». Невеста Э—а замуж не выходила, а пошла в монастырь, была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем. Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава его бежала впереди и распространяла слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий. И сорок три года прошло уж, как Иван Яковлевич, почитаемый равно москвитянками и смольнянками, предсказывает им о женихах, о выздоровлениях, исцеляет больных, пророчествует о морозах, о засухе, о бурях, о холере, о войне и т. п. Ему приносят дары, «с упованием некия пользы», но он, как некий идол, сам ничем не пользуется (т. е. не наживается), а все раздает окружающим его. Кроме того, при «безумном доме», в честь Ивана Яковлевича устрое-

* Рассказывают, что женихом здесь был не Э—ь, а К —, который впоследствии действительно оказался вором. Неужели в целом Смоленске не найдется ни одного человека, который собрал бы там все рассказы про Ивана Яковлевича и восстановил их в настоящем виде!

на «кружка», куда доброхотные датели влагают свои лепты, куда идут и несчастный грош бедной бабы, и алая бумажка богатой купчихи.... Приносимые же ему дары состоят, обыкновенно, в калачах, яблоках, и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, они освящаются в его руках, и потом раздаются всем приходящим к нему и производят мнимые чудеса. Недавно, по делам службы, был у Ивана Яковлевича М. Г. П. Д., господин В., и заметил окружавшим его, что он просто ханжа. Тут была одна барыня, приехавшая к Ивану Яковлевичу из Смоленска. Услыхав голос неверия, она сочла своим долгом обратиться к истинному пути, подошла к г-ну В. и рассказала ему, как Иван Яковлевич исцелил ей палец, который медики единогласно присудили отрезать. Медики объявили ей, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в ее комодке лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: *табак от Ивана Яковлевича*. Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и, чудо! палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил. «Таким образом, все наши медики, продолжала она, шарлатаны, а Иван Яковлевич — святой человек». Кроме нюхательного табаку, другим, так сказать, символом нездешнего духа Ивана Яковлевича служат записочки, которые он раздает приходящим. Записочки эти тоже остаток древнерусских верований. Мифическая Фрея владела ожерельем, в котором была заключена чарующая сила. Ожерелье Фрей заменилось у нас монистом, которым украшали куклу, представлявшую купалу (русалку) и пятницу (Тер. V. 80; VI, 58). Одного происхождения с этими монистами писанные молитвы пятницы, которые носились на шее (подобно ладонкам) от разных недугов, например от лихорадки. Вообще же, древняя Русь особенно питала глубокое почтение ко всякой писанной букве. Записочки Ивана Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от зубной боли, но главное, по смыслу написанного в них, угадывается судьба. Пишет Иван Яковлевич очень хо-

рошо, но нарочно делает каракульку вместо слов, чтобы в его писании было больше чудесного. С этой же целью употребляются им греческие и латинские слова. Пророчества его и записочки всегда загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все, и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются. Вот пункт, на котором никак не собьешь его поклонниц! Но, говорят, что Иван Яковлевич теперь уж редко сам пишет эти записки, и что писанием их занимается бывающий ежедневно у него богаделенный диакон, который и собирает материалы для жития Ивана Яковлевича. Из других способов, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича замечательны следующие: девушек, он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения, придавая тому и другому символическое значение. Княгиня В—ая умирала и лекаря отказались ее лечить. Вот она велела везти себя к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два большие яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно и она упала; еле-еле довели ее домой и, чудо! на другой день она была здорова!

Войдемте в его палату. Стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу пред образами стоит большой высеребранный подсвечник с местной свечой; в подсвечник «ставят» свечи. Налево низко молится странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца кафтане. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, а на полу возле *не-го* известная купчиха З—ая. Увидав нас, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтоб не замарать его на полу, подвела к *нему* под благословенье своего ребенка, потом сама подошла, потом поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо в углу, на полу лежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет уж предпочитает лежать. На всех других больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одеяло, и наволочка из темноватого ситца. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели все отправления, как-то обеды и ужины, (он все ест руками — будь это щи, или каша) и о себя обтираться, все это делает из его постели какую-то темногрязную массу, к которой трудно и подойти. Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему около 80 лет. Лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное и так неприятно, что у меня не достало духу его рассмотреть. Он молчит, или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему и говорит: «Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? скажите что-нибудь им?» «Я устал», отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное, потому что видел около себя образованных людей.

Ниже увидим мы из свидетельства князя Долгорукого, что Иван Яковлевич лет по десяти не говееет. Явление понятное. И ханжи, про которых Болтин говорил, что они ходить в церковь не свое дело помышляют, и наши нищие, которые не знают, что такое причастие, что такое молитва, и Иван Яковлевич, наконец, никогда не говеющий — все это обыкновенные древнерусские явления. Кроме того у юродивых считалось достоинством всякое кощунство над религиозными и церковными предметами: говорили, что это они делают для виду, символически выражая свое богочтение, и почитали их за это еще более. Так один юродивый, рассказывается в легендах, имел обыкновение бросать в церковь камнями. Так Иван Яковлевич, по великим постам, велит приносить себе постные и скромные кушанья (и ему приносят!), мешает их вместе, и сам ест и других кормит. И ханжи, которые дома не обходятся без постного сахару, едят у Ивана Яковлевича скромные щи, веруя, что это богоугодное дело. Вообще же мешанье кушаньев имеет в глазах Ивана Яковлевича какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и

вареного гороху; оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит его к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горячим горохом, ест и других кормит: скверно кушанье, а все едят. За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу водочка. Считаю нужным привести здесь некоторые мои семейные воспоминания об Иване Яковлевиче.

Бабушка моя, тетушка и матушка были усердными почитательницами Ивана Яковлевича. У бабушки жила *шутиха*, некая Лизавета Ивановна, — старая, безнравственная девка, забавлявшая всех такими же штуками, какие Берхгольц видел при дворе Прасковьи Ивановны. Отправилась раз бабушка к Ивану Яковлевичу и взяла с собой Лизавету Ивановну, у которой тогда болела голова. Вот вошли они на двор «безумного дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидел ее Иван Яковлевич, гулявший тогда по саду, бросился на нее, повалил ее на землю, сел на нее верхом и начал бить ее по голове моченым яблоком, и бил до тех пор пока не измочалил все яблоко. Еле-еле убралась от него Лизавета Ивановна и, представьте, что сделалось! у нее с побоев перестала болеть голова!...

Из почитателей Ивана Яковлевича известны: упомянутая выше купчиха З—ая и ее муж, и г-жа Г—ая. Говорят, что у Ивана Яковлевича часто бывал покойный гофмаршал Олсуфьев, и когда он приезжал, то к Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г—ая имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу. Он ей сказал: не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра. Она поехала в Петербург, говела там, исповедалась нарочно у священника Александра и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион: что ей делать? она к Ивану Яковлевичу. Не бойся, говорит он ей, на своем мистическом языке, все будет хорошо! Она грешная не верит, идет домой, и что ж? ей дают займы денег, она платит их, и именье ос-

тается за нею! Но не ко всем добр Иван Яковлевич. Настоящих дураков и он даже гоняет от себя, особенно, когда они обращаются к нему с нелепыми вопросами. Приезжают раз к нему три жирные такие купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает: кого она родит, мальчика или девочку? Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними говорить. Приехала к нему известная некогда красавица, купчиха Ш—а, и спрашивает его о чем-то, а он сказал подняв ей подол: все растрясла, поди прочь! В числе почитателей Ивана Яковлевича считается одно известное лицо, которое по его записочкам, написанным на клочке серой бумаги, оказывает покровительство его родственникам. Так например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово. И вот теперь эти черкизовские родственники и хлопочут, как бы взять Ивана Яковлевича к себе и, таким образом, открыть у себя торговлю. Им помогает некто Верещагин. Говорят, что он прежде был дьяконом, потом женился на купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед князем С. М. Голицыным поступил в Совет, где по милости же князя, дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал уже прошение, чтобы позволили взять Ивана Яковлевича из «безумного дома», но ему отказали. Теперь просьба эта возобновлена от Черкизовских и чем разрешится не известно. Вот, что мы можем теперь сказать об Иване Яковлевиче. Вызванные заметкою «*Московских ведомостей*», мы, в свою очередь, вызывали в «*Нашем Времени*» других, кто бы захотел обратить внимание на Ивана Яковлевича. Но, сколько нам известно, отозвался только один князь Голицын в «*Нашем же времени*», бросив в мир, окружающий Ивана Яковлевича, чем-то вроде проклятия, да «*Отечественные Записки*» перепечатали отрывок из нашей статьи. А ведь стоило обратить внимание! Иван Яковлевич не один на свете: есть легионы ему подобных. Подобных ему вы найдете во всех городах России, во всех углах ее. Около этих существ собирается всякая нечисть; в них верует, ими держится, от них расходится в разные стороны все, что ни есть

враждебного народу, христианству, все что ни есть фанатического, суеверного, грубого, жестокого. То же самое, что Иван Яковлевич — Иван Дмитриевич, о котором мы уже упоминали. А вот где-то на Трубе живет персиянин, по имени Саид, который также предсказывает барыням и дает им талисманы от имени какого-то персидского бога. А вот, по временам, является в Москву какой-то монах, из греков, с голубем на железной палке, и проповедует он разные явления, окружающим его барыням и купчихам, из которых одна, говорят, пожертвовала ему до 200,000 рубл. на построение скита. Только и слышишь, что там-то отчитывают от нечистой силы, или мистически исцеляют от лихорадок, а там-то гадают на бобах, на картах на кофе; в Рогожской, например, поучают народ раскольницы, а в слободке, за марьинской больницей, хлыстовки.... Воскресных школ! Бога ради воскресных школ на каждом углу!!

Мы вызывали на общественный суд и сторонников Ивана Яковлевича, но и эти не откликнулись. Они удовлетворились одним преданием меня анафеме. Некий А. С. Каринский, встретясь со мною, дерзнул стращать меня *нахлобучкой*: погодите, погодите, говорил он, дождетесь нахлобучки!.... И когда я предлагал ему печатать в газетах опровержение на мои слова, то он отвечал: «Как! чтоб мы стали печатать про Ивана Яковлевича, когда он еще жив! Дайте ему умереть: тогда вы увидите!...» Поняли ли вы? Эти неизвестные люди ждут мощей Ивана Яковлевича!

Такие же сторонники Ивана Яковлевича, только прикрытые маской просвещения, недовольны мной за то, что я, говоря об Иване Яковлевиче, несколько *его не объяснил* и только поднял о нем вопрос. Чего им нужно? думал я, и только после долгих разговоров с ними мог убедиться, что и они также веруют в Ивана Яковлевича и требуют *объяснения действующей в нем силы*.

Наконец мы считаем за особенное удовольствие упомянуть здесь, что нашу статью об Иване Яковлевиче читал в Праге известный славянский ученый Вацлав Ганка, что его благородное сердце возмутилось нечестиями, доселе жи-

вущими в православной Москве, и что он ждал других статей об этом предмете, но не дождался.

Заметки наши об Иване Яковлевиче дополнены некоторыми приложениями. Во-первых, мы приводим мнение о нем князя Алексея Долгорукого, известного магнетизера, который считает Ивана Яковлевича проницателем, действующим посредством какой-то животной силы.

Далее следуют тридцать три подлинных письма Ивана Яковлевича, из которых 30 были писаны им к одной даме, имеющей с ним сношение со времени ее выхода из Екатерининского Института, в продолжение более 20 лет. Она или сама к нему ездила за ответами, или посылала к нему девушку с записочкою. Каждый шаг ее жизни, вся участь ее детей, — все это предварительно подвергалось обсуждению Ивана Яковлевича. Задумает она, например, что-нибудь о своем сыне, и напишет Ивану Яковлевичу записочку: будет ли счастлив такой-то мой сын? и он на той же самой записочке и ответит ей: счастлив будет! она и верит, и поступает, как следует. Все эти ответы хранятся у нее бережно, но так как многие из них касаются семейных тайн, то мы получили позволение видеть и напечатать только некоторую часть их. Считаем нужным оговориться. Мы явились к этой даме и просили ее сообщить нам некоторые записки Ивана Яковлевича, чтоб издать их на поучение человечеству, с приличной похвалой их автору. Исполняем данное нам обещание.

Последнее приложение составляют три факсимиле Ивана Яковлевича, из которых одно — подпись его в письме к неизвестному лицу, а два — ответы к упомянутой даме.

Когда это житие уже совсем готово было к изданию, получили мы 46-й № журнала «Духовная Беседа», где помещена статья архимандрита Феодора, под заглавием: «нес-

колько замечаний по поводу статейки в “Нашем Времени” о мнимом лжепророке».

Автор этой статьи открывает некоторые новые стороны поклонения Ивану Яковлевичу, о которых мы не говорили, и которые мы рекомендуем читателю.

Так, например, он говорит об Иване Яковлевиче, как о старце, к которому многие прибегают за духовную помощь, и выходит поэтому, что лжепророк-то это я, а совсем не Иван Яковлевич, и что это против меня гремит апостольское слово: *яко мнози лжепророцы изыдоша в мир*.

Автор считает вопрос о лжепророках делом богословским и старается его разрешить на основании священного писания. Мы считаем этот вопрос чисто гражданским, ибо знаем, что пророков теперь нет, следовательно всякий являющийся таким есть лжепророк, и на этом основании считаем Ивана Яковлевича подсудным не Собору, а Частному Приставу.

Наконец, автор говорит про Ивана Яковлевича следующее: этот старец подвизается духом и истиною за самые современные и живые *духовные* наши *интересы* (бедная современность! несчастные духовные интересы! бедный народ!), а именно, не ведомо почти никому (да вы как же узнали это?) старается с одной стороны о возведении нашей мирской или светской жизни и мысли в духовный свет любви Божией во Христе, а с другой — о склонении и духовных и благочестивых стремлений на тот путь, чтобы во всех средах человеческой жизни выводить на свет знания и употребления несметные богатства той же любви к нам Божией. — Поняли ли вы, читатель, высокое значение Ивана Яковлевича! Ну, пойдемте ж скорей к нему и преклонимся пред ним, и уверуем в него! И окрестит он нас по своему, и сделаемся мы все юродивыми, и станем на крестцах, на площадях пред изумленными глазами народа, вызывать из гробов матушку Русь! Греки для обращения Владимира показывали ему страшный суд; мы же для обращения народа покажем ему кое-что получше, покажем ему картину древней Руси.

КАРТИНА.

«Чернецы и черницы (см. Наше Время № 45), бабы и девки, мужи и жонки, лживые пророки, и старицы и старцы *волосатые*, то в рубище, то босые в одних рубашках, то совсем нагие; одержимые бесами и блаженные, святоши и окаянные; лишённые разума, прокураты и целые строи каляков и лазарей, чудотворцы, подьячие и *пахабные*» (см. Послание Даниила Заточника и Лилова «о Кириловой книге», стр. 21), ходят, ползают, лежат, гремят веригами, трясутся, скитаются по улицам, и по селам, и по деревням, и в волостях. Одни собирают на церкви, другие пророчествуют об антихристе; эти поют стихи, а те показывают раны. Во время служб по церкви бегают шпыни человек по десяти и больше, с пеленами на блюдах собирают на церковь, являются малоумными: в церкви смута, брань, драка, писк и визг, драка до крови и лай смрадный, ибо многие приносят в церковь палки с наконечниками»....

Нет училищ, и такая безграмотность, что в половине XVII века Софийский собор в Новгороде никак не может найти себя грамотного ризничего. Титул, борода, табак, да сложение перстов важнейшие государственные и общественные вопросы. Замер русский язык, а вместо народа — толпы холопов и рабов. Вместо международных отношений — нетерпимость всего чужого и страшная боязнь за свое, вместо любви — проклятия, вместо народного богатства — логовище нищих. И заключенная в самой себе, покрывается русская земля кромешной тьмой, где, не видя друг друга, борются насмерть фанатизм, ереси, крамолы, язычество, пьянство, бедность и разврат....

Чтоб быть вполне беспристрастным перед читателем и перед автором статьи в «Духовной Беседе», приводим здесь эту статью целиком, — и отдаем наше дело на суд всему, что ни есть просвещенного у нас.

— *Несколько замечаний по поводу статейки в «Нашем времени» о мнимом лжепророке.* В «Нашем времени» (№ 34) помещена статейка г. Прыжова, озаглавленная таким образом: «Иван Яковлич, лжепророк». Лжепророчество, — это такое ужасное преступление, в котором посягают на имя Божие и даже на вдохновение божественное в делах и словах одной лжи и обмана; это самый губительный и нетерпимый вид духовного святотатства. Потому сколько непростительно было бы, заметив такое преступление, молчать о нем, не выводить его на чистую воду истины; столько же в обличении его надобно быть основательным и осмотрительным. Итак стоит разобрать, насколько основателен отзыв г. Прыжова о старце, к которому многие прибегают за духовную помощь.

Основание к разбору трудного вопроса о лжепророчестве находим у св. апостола Иоанна Богослова. Он пишет: *возлюбленнии, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир.* Значит, автор статейки об Иване Яковличе поступил прекрасно, «решась подойти к нему и подвергнуть его изучению» испытательному. И надобно отдать г. Прыжову справедливость: он обнаруживает в своей статейке такое прямотушие и искренность, такое стремление к основательности в изучении взятого предмета, что, при всей беспощадной резкости его приговоров, припоминается само собою слово Христово о подобной беспощадности Нафанаила: *се во истину израильтянин, в немже лести несть.* Что есть лучшего в его статье, — это именно благородная досада отчетливой мысли на темную безотчетность и бессознательность, в которой у нас свободно коснеют многие. Дай Бог только, чтобы г. Прыжов свое «изучение» известной личности почел конченным не прежде, как рассмотрит ее не с той только одной стороны, с которой он подошел к ней на первый раз. Я желаю только добросовестности, осмотрительности и самообладания, чего требуют и «Московские ведомости» относительно гласности журнальной.

Всякое дело, по пословице, мастера боится; не зная, например, того или другого языка, как следует, очень про-

сто можно, и с доброю волею и с любовью к истине, сочинить слова из этого языка, совсем невозможные в этом самом языке. Так и во всем. Вопрос о лжепророчестве есть дело, очевидно, богословское; надо искать такого же и руководителя по этому делу. И вот, глубочайший из богословов — св. Иоанн Богослов дает такое правило к распознаванию лжепророков: *о сем познавайте духа Божия, и духа лестна: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, (исповедует, разумеется, не такую верую, которую исповедуют иные Бога видети, дела же отмещутся Его, но верую, входящую в самую силу исповедуемого богоплощения, следовательно, исповедует, движась Христовым человеколюбием к очищению самого плотского или материального и земного от греховных скверн)* — *всяк такой дух от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, не признавая основания истины и добра в Боге Слове и именно в духе той Его любви к человечеству, по которой Он плоть бысть, — такой дух от Бога несть* (4 Иоан. 4, 4-3). По такому ли правилу г. Прыжов изучал «Ивана Яковлича»? Напротив, во всей его статейке, показывающей впрочем в нем специальное знакомство с древностями, по крайней мере с старинною русскою жизнью, нет ни одной черты, взятой из искусства распознавать лжепророков, какому учит Иоанн Богослов. Потому г. Прыжов, если водится не самолюбием, а искреннею любовью к истине, должен согласиться, что в беспощадном его приговоре об Иване Яковличе, как о лжепророке, возможна очень горькая ошибка.

Мне пришлось тоже изучать этого старичка из «безумного дома». Согласно с моим воспитанием и званием, я изучал его, разумеется, по тому правилу, какое внушает для такого дела св. Иоанн Богослов. Из уважения к прямодушию г. Прыжова и по его желанию вызвать чью-нибудь заметку о той же личности, о которой он заявил свое мнение*, я дол-

* Повторенное на слово и в других журналах, например От. Зап. окт. кн.

жен сказать, что изучение «Ивана Яковлича» привело меня совсем к другим результатам. Все действия этого старичка с приходящими к нему, множество его записочек, всякие рассказы о нем очевидцев разбирал я с испытанием их апостольскую мыслью о любви к нам Отца небесного, проявленной в воплощении ради нас возлюбленного и единогодушного Его Сына; и не мог не видеть, что все дело и направление этого старца идет истинно по духу этой самой любви Божией к людям. Доказательство верности такого взгляда на Ивана Яковлича служит уже то самое, что, при этом взгляде на него, действия его оказываются достаточно понятными в своем разумном значении.

Надобно или быть совсем безумным, без всякого остатка здравого смысла (чего не находит в Иване Яковличе сам г. Прыжов), или смотреть на каждого человека прямо глазами той веры, что ради этого человека соделался человеком и жил и умер плотию Сам Сын Божий, — надо входить по возможности и в самую силу расположения этой любви Христовой к человечеству, чтобы закабалиться в «безумном доме», и почти полстолетия по-своему заниматься разными, по большей части, самыми житейскими нуждами и вопросами людей. Смотря очами Христова человеколюбия на людей, действительно удобно примечать светящийся и в житейских наших делах и затруднениях, даже во тьме разных дрязг земных, свет любви Отца небесного, не отвергающего пока еще ни одного грешника. И вот, Иван Яковлич и следит во всем и на всех этот духовный свет Божией к нам во Христе любви. В ком найдется хотя некоторое разумение или хотя только безотчетное сочувствие его духовному делу, — таких он вводит как бы в сотрудничество с собою, заставляет делать то или другое в своей палате, представляющей иногда вид какой-то лаборатории. В ком приметит чистоту и свежесть души, требующую только духовной поддержки, чтобы послужить к духовному освежению и других в нашем мире, — таким у него готова нужная поддержка. В ком приметит, что духовная красота даров Божиих, относящихся к душе или телу, растеряна в рассеянности или даже заменена безобразною наготою разных

житейских гадостей и духовного бесчувствия, таким прямо и наглядно покажет Иван Яковлич это духовное их несчастье, покажет впрочем так, что как будто именно он виноват в духовной жестокой обиде, которую они сами себе сделали своим неразумием: оболъет их нечистотами, выгонит вон, и под. Ужас и отвратительность того положения людей, в котором знать не хотят они Сына Божия в своей жизни или в мысли, в котором потому нет места и для любви Отца небесного, почивающей только в Сыне и, ради Его благогодати, простирающейся на создания, — выразит иногда этот старичок тем, что становится сам весь — негодование; готов не только «ругаться», но и прибить несчастного безумца*. Такие действия его имеют значение, очевидно, более нежели только символическое: символы составляют нечто внешнее по отношению к означенным ими предметам, а в действиях Ивана Яковлича выражается непосредственно мысль и движение его духа.

«Но зачем, скажете, все это не выражать прямо в таком именно значении? Зачем эта темная загадочность, зачем эти записочки, непонятные иногда до отсутствия в них всякого смысла?» — Но ведь делать дело, со всею открытостью его значения и силы, хорошо и кстати было бы вам только тогда, когда находитесь среди готового внимания и сочувствия именно к силе вашего дела. Много ли у нас занимающихся житейскими делами с духовным рассуждением, — с пониманием духовного и в житейских, материальных вещах? Много ли ведущих жизнь духовную, жизнь по благочестию, но так, чтобы уметь или только хотеть и в делах земных прозирать и выдерживать силу духовную, дух и силу Христа, сошедшего ради нас с неба на землю? У нас уж если захотят жить по Богу, — то для таких уж все среды, где труждаются и обременяются разным образом люди, составляют только грешный погибающий мир. Или если уж кто, на практике или по науке, займется делами или веща-

* Указания на все роды рассматриваемых нами действий Ивана Яковлевича есть, с описанием нескольких фактов, в самой статье Прыжова.

ми, относящимися к земному: то уж он словно чрез Рубикон перешел от всего духовного, Христова. Не говорю уж о том, что у нас русских издревле в обычае и духе — (конечно от недостаточного возбуждения отчетливой мысли в большинстве) прибегать к духовным людям не более, как для узнания «судьбы» (что метко замечено г. Прыжовым). Что же теперь прикажете делать человеку, который живет по Богу, но так что входит и в дух Божией любви к нам немощным и грешным людям, и потому стремится помочь братьям в несении тяготы житейских нужд и дел, в которых обыкновенно всю жизнь проводит человек — помочь именно чрез упрочение духовного значения и за этими делами и нуждами человеческими? Прямо и открыто повести дело — это значит почти только увеличить ответственность людей за духовную их невнимательность и беспечность. «Так пусть же буду я в глазах людей дураком и безумным, — скажет человек вроде Ивана Яковлича, — пока наконец сами люди не образумятся вести по-духовному и житейские свои дела, в которые особенно ныне все погружены»? И в таком случае приточная загадочность (слов, действий или записок) остается единственным средством к возбуждению в людях духовной внимательности и рассудительности, или по крайней мере, только духовного сочувствия. Для этой цели и по тем же причинам, Сам Господь наш, первообраз и основание для всякого истинно-доброго и разумного дела, во время земной жизни, употреблял приточно-загадочный образ речи и действий, имея прямое назначение научать людей истине.

Читавшие статью г. Прыжова в «Нашем Времени» могут из его же примера видеть справедливость моих слов. К восьмидесятилетнему старцу, прошедшему более сорока лет в «безумном доме» в непонимании дела его почти от всех, считающих себя людьми умными, пришел человек (говоря о г. Прыжове), с живым направлением и стремлением своей мысли к отчетливости. Это так подействовало на старца, «уставшего» изъясняться только загадками с духовною безотчетностью большинства, что он не желал говорить загадками с г. Прыжовым. Сам г. Прыжов говорит об Иване

Яковличе, что кроме ответа «я устал», он еще сказал кое-что очень обыкновенное, потому что видел около себя образованных людей. Так, изволите видеть, старец не прочь бы от того, чтобы объясняться просто или по-обыкновенному с понимающими. Но вот, в разумении г. Прыжова, возникают образы лжепророков, без малейшей у себя тени искусства разублаживать этого рода людей; он ищет в Иване Яковличе (однако, по собственному его признанию, не заметил) «каких либо особенных остатков древнерусского язычества», сам однако еще не имея в виду истинной сущности и силы язычества. Как теперь прикажете Ивану Яковлевичу завести понятную беседу с таким мыслителем, когда не видно общей для того и другого среды мыслей, нужной для обоюдного их обмена? Не пуститься ли в продолжительные и, может быть, напрасные толкования, что сила язычества состоит собственно в принятии основных для мысли и жизни идей или начал помимо истинного всеначала, которое христианам уже прямо ведомо во Христе Боге; что без разумения такой силы язычества, выразившейся в древности по ее чувственно-образным воззрениям в грубом идолопоклонстве, можно и с специальным изучением остатков древнего язычества повторять ту же силу язычества — только уж более по духовному, согласно с нынешним характером воззрений; — что в особенности труженику мысли и слова, делающему свое дело и в христианстве помимо Христа Сына Божия, вне Которого нет места ни благоволению Отца небесного, ни Духу истины и жизни, — предлежит неизбежная опасность работать только для отвержения, подвергаясь оболыщению именно от лжепророческих лестных духов??... Вместо всего этого, по роду подвигов веры и благочестивого человеколюбия Ивана Яковлича, вернее и проще было ему безмолвно войти в духовное соучастие тех движений и страданий Христовой любви, как за подобные грехи мира возлюбленный Сын Божий ощущал на кресте Сам оставление от Своего Отца, соделавшись точно клятвою и грехом за достойные вечно отвержения наши мерзости и заблуждения; это поприще и вернее привлекает к нам ту милость Божию, чтобы Отец

небесный еще потерпел нас и, *ими же вестъ судьбами*, направил вашу мысль и слово и всю жизнь — к истине. И вот Иван Яковлич побеспокоил г. Прыжова только таким выражением своего глубочайшего общения в духе Христовых горчайших страданий и скорбей крестных, которое сделало лицо его «придавленным» и до того чуждым мягкой привлекательности, что у г. Прыжова «не достало духа его рассмотреть». Ведь это тоже загадка и притча для г. Прыжова, вроде записочек Ивана Яковлича.

Г. Прыжов негодует еще на русскую женщину, зачем в особенности она делает для себя Ивана Яковлича «идолом», окружая его каким-то «культом» и являясь сама «служительницею этого культа». Г. Прыжов объясняет это остатком языческих верований; он говорит о религиозном значении славянской женщины в языческой древности и припоминает басни о космогоническом ее происхождении, и проч. «Русская женщина, говорит он, не начинала еще своей христианской истории». Как любит делать строгие приговоры г. Прыжов! Только вполне ли основательно?...

Для решения, начинала ли русская женщина свою христианскую историю, очевидно надобно иметь в виду истинное значение и историю женщины в христианстве. Христианство указывает два главные типа женщины, имеющие внутреннее между собою соотношение и связь: это — Ева, прародительница наша и виновница всенародная человеческого падения и осуждения, и родившая божественного Виновника жизни и спасения всемирного Матерь Божия, Которой образом служила уже и самая Ева. Женщина, по отношению к греху и заблуждению, имеет своим первообразом Еву, а по отношению к истине и правде животворной — *приводится к небесному Царю вслед*, или по первообразу, Пресвятой Богородицы. В первом отношении жизнь и история женщины — представляет ряд порочных слабостей и всякого рода обольщений, все виды легкомыслия, суеты, дрязг, ханжества; а в другом, истинно христианском, отношении жизнь и история женщины есть прекрасное раскрытие того, сколько женщина послужила и служит истине и добру вообще чрез свою верность Христу и

особенно чрез материнское сочувствие проявлениям истины, хотя бы самым слабым и неудобопонятным, чрез живую сердечную поддержку направлений и стремлений к лучшему, особенно при их еще незрелости, чрез сестринское соучастие в скорбях и тягости жизни страдальческой, крестной и так далее. Теперь можем судить и о русской женщине по отношению к Ивану Яковличу. Иной русский образованный мужчина не хочет или не умеет еще понять его и даже судить о нем по-христиански: этот самый недостаток мужчины вознаграждается пока христианским чувством русской женщины. Возьмем во внимание самые факты, — хотя только те, которые составляют, можно сказать, первое и последнее звенья истории его, сколько она известна нам чрез самого же г. Прыжова. Первый факт, по которому Иван Яковлич попал в московский «безумный дом», таков: тогда как мужчина с диким самоуправством, свойственным очевидно характеру *разбойника*, «переломал ноги» Ивану Яковличу, предостерегшему невесту его от такого нравственного разбойника; женщина, именно эта самая невеста, в словах Ивана Яковлича поняла или почувствовала горькую для ее сердца правду о разбойническом духе своего жениха и, обманутая в своих надеждах на земное счастье, с верою и любовью посвятила себя одному Божественному Жениху — в монашеской жизни. Что же тут недостойного «христианской истории русской женщины»? Последний факт — это посещение и «изучение» Ивана Яковлича г. Прыжовым. В лице последнего видим мужчину с стремлением к отчетливости, но опирающегося не совсем на христианских основаниях в своих беспощадных приговорах: в то же время, пред ним же самым являются около Ивана Яковлича и женщины, из которых одна (простая баба) молится в углу пред св. иконами, другая, поцеловав руку и лоб старца, перекрестила его самого (как это делают матери, благословляющие своих детей), а третья — девица, просто сидела на диване. Каким же языческим «культуром» эти женщины окружают Ивана Яковлича?! Итак, не самой ли образованности и мыслительности некоторых просвещенных мужчин надобно позаботиться о зрелом, созна-

тельном начатии своей «христианской истории»? А иначе эта мыслительность и с лучшими своими стремлениями похожа еще на ребенка, требующего духовно-материнской поддержки в живом сочувствии к истинно лучшему — той же христианской женщины.

Впрочем, в деле истины и мысли, среди нравственной запутанности времени, может случиться то же, что бывает на войне в ночное время: *своих* иногда принимают за врагов, а врагов за *своих*. Г. Прыжов, при всем своем знакомстве с языческой древностью (которую впрочем также нельзя вполне понять без разумения истинной веры, как сухие листья и сучья без разумения природы и живого развития растений), не узнал в Иване Яковличе христианского подвижника именно мысли и истины, за которые он вступился против мнимого изуверства этого старца и против мнимого же язычески-темного суеверия пользующихся духовною его помощью. Г. Прыжов называет этого старичка «драгоценным остатком древней Руси»: это справедливо только в том отношении, что Иван Яковлич, трактуемый просвещенными за лжепророка, или чудодея, оказывается чрез это поразительным знамением и доказательством невозможности узнать верно и древнюю Русь, не добравшись до живой ее струи, которая живым ключом бьется еще и в наше время. Но сам же Прыжов, иначе подойдя к Ивану Яковличу, удостоверился бы, что этот старец подвизается духом и истиною за самые современные и живые духовные наши интересы, и именно, неведомо почти никому, старается с одной стороны о возведении нашей мирской или светской жизни и мысли в духовный свет любви Божией во Христе, а с другой — о склонении и духовных и благочестивых стремлений на тот путь, чтобы во всех средах человеческой жизни выводить на свет знания и употребления несметные богатства той же любви к нам Божией. На первый раз и тому можно порадоваться, что свежая и развитая мысль, хотя с беспощадною пытливостию, подходит к внутреннему миру людей, подобных Ивану Яковличу, откуда они отечески следят за всеми начатками в нас доброго и прекрасного, дорожа и самыми только еще возможностямя-

ми нашими к лучшему. После, Бог даст, все разберем, если искренно и добросовестно ищем истины; но лицемерию и своекорыстию — нечего ждать от людей вроде Ивана Яковлича.

Архимандрит Феодор.

С. П. Б.
23 октября 1860 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е.

Органон животного месмеризма. Соч. князя Алексея Долгорукова. Спб. 1860, стр. 301-303.

Нельзя умолчать о юродивых; в них иногда замечается прозерцание, т. е. что мы называем бодрственный сомнамбулизм или прозерцание, к которому некоторые люди получали с природы, а другие взрослые, без видимой причины, склонность, так как некоторые, а особенно замечено в Шотландии, имеют двойное зрение, способность видеть те вещи, который для обыкновенного глаза не видимы. Я знал в Москве Пелагею юродивую, которая никому ничего не предсказывала, но иногда в ней прояснялось правозрение; наблюдал я также за Иваном Яковлевичем в Москве, в доме умалишенных; вот один случай, который убедил меня в его прозерцании. Я любил одну А.—А.—А., которая, следуя в то время общей московской доверенности к Ивану Яковлевичу, отправилась к нему, обыкновенно для того, не предскажет ли ей чего-нибудь нового; возвратившись оттуда, между прочим, рассказала мне, что она целовала его руки, которые он давал и пила грязную воду, которую он мешал пальцами; я крепко рассердился на это и объявил ей формально, что если еще раз поцелует она его руку, или напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем, спустя недели три, она отправилась вторично к нему, и когда он, по обыкновению, собравшимся у него дамам, стал по очереди давать целовать свою руку и поить помянутою водою, то дойдя до нее отскочил, прокричав три раза: Алексей не велел; узнав это я решился к нему поехать и понаблюсти за ним; первая встреча моя была с ним: как только я взошел, он отвернулся к стене и начал громко про себя говорить: Алексей на горе стоит, Алексей по тропинке идет узенькой, узенькой; холодно, холодно, холодно, у Алексея не будет ни раба, ни рабыни, ноги распухнут; Алексей, помогай бедным, бедным, бед-

ным. Да, когда будет Алексей божий человек, да... когда с гор вода потечет, тогда на Алексее будет крест. Признаться сказать, эти слова во мне запечатлелись, и после этого я выучился трем мастерствам; хотя мне и объясняли эти слова ясновидящие и высокие, но однако день Алексея Божия человека я равнодушно встречаю. Из наблюдений над ним, я утром более находил в нем созерцания и многие такие откровенные вещи он открывал, что самому высокому ясновидцу только можно прозерцать; в других же иногда целыми днями он пустяки городил. Говорил он всегда ино-сказаниями*.

* Он прежде никогда не говел; один купец, мне знакомый, имеющий пять человек детей, каждый пост езжал его уговаривать и всегда получал ответ: «у тебя буду говеть». В холеру разом купец потерял жену и детей и с горя остригся в монахи; на другой день посвящения его в ис-ромонахи, Иван Яковлевич вдруг стал плакать и просить привести из такого-то монастыря такого-то. Мы все в нем узнали бывшего купца и он у него исповедался и приобщился. *Прим. князя Долгорукого.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е.

Тридцать три письма к Ивану Яковлевичу и ответы на них, писанные его собственной рукою.

1) Что ожидает Петра, женитьба или монастырь?

Отв. Я не думала и не гадала ни о чем во свете тужить. А когда пришло времицко взяла грудь тамить. Несте под лексом, (законом), но под благодатию.

2) Идти ли ей в монастырь?

Отв. Цорная риза ни спасает, а альпа (белая) риза у ереси не уводит. Будьте мудри, яко ехидны и цели, яко колюмпы (голуби) и нетленен, яко арпорс (деревья) кипариси, и певки и кедри... 185д рока, мензис (месяц) иеулуе XXII. Студент холодных вод Иоаннус Ияковлев. (См. эту подпись ниже).

3) Скоро ли получит место раб божий Николай? (семинарист).

Отв. Во вселия (т.е. в селы), Господи, во места света и прохлада и нетления и без врежден и без худых волей.

1) Женится ли X?*

Отв. Без працы не бенды кололацы (sic).

2) Выду ли я замуж?

* Все следующие письма принадлежат даме, которая ведет постоянную переписку с Иваном Яковлевичем со времени своего выхода из Екатерининского Института.

Отв. Это хитрая штука в своей силе, что в рот носили.

3) Когда А. поедет в Петербург?

Отв. А. (имя) дух сокрушенный во храме Соломона молитвы дед.

4) Продадут ли деревню?

Отв. Не продадут.

5) Скоро ли Х. разбогатеет?

Отв. Не скоро, а животи здорово!

6) Продастся ли деревня?

Отв. Никогда.

7) Любит ли А—у Н—й?

Отв. Н—й любит Екатерину.

8) Что мое дело?

Отв. Воды льются всиду, но не равны все сосуды.

9) Богато ли будет жить раба А?

Отв. Бог богат, надо думать, что будет богата и Клеменция (clementia).

10) Ехать ли А—у этою зимою в Петербург?

Отв. Как вам угодно.

11) Скоро ли А. получит должность?

Отв. Не скоро, а животу здорово.

12) Будут ли мне рады в Петербурге?

Отв. Бог лучше радуется о спасении брэнного человека, нежели 9-10 праведных соспасенных (sic).

13) За кого выдет девица А. замуж?

Отв. За Иосифа.

14) Будет ли счастлива и богата?

Отв. Благополучен.

15) Поправятся ли мои дела?

Отв. Господи, аще путь беззакония отврати от его, а настави на путь нетленного живота.

16) Что ожидает рабу А?

Отв. Мир нетления.

17) Чем кончится в Сенате у рабе А? (sic).

Отв. Кто больше знает, подавай тому свет Вивлае (библии). Во Хирас. 1854 рока а мца Сентиу.

18) Не продадут ли деревню у рабе А, при ней ли останется?

Смотри ответ: Факсимиле № 1.

19) Счастлив ли будет сын А. Александр старший, и кто он будет?

Отв. Пока счастье прозябает, полна друзей бывает, а когда счастье проходит, тогда зде един друг не приходит. (Должно заметить, что московский оракул пишет вместо б — п, а потому вместо *бывает* — у него *пывает*).

20) Счастлива ли будет дочь ее Анна и *кто она будет?*

Отв. Щастьлива.

21) Счастлив ли будет Сергей и *кто он будет?*

Отв. Щастьлив.

22) Счастлив ли будет Владимир и *кто он будет?*

Отв. Щастьлив.

23) Счастлив ли будет Николай и *кто он будет?*

Отв. Щастьлив, а чин его архидиакон.

24) Батюшка, Иван Яковлевич! Скажи в пользу ли рабы А. кончится дело в Сенате?

Отв. Половину дела той маест (т. е. мастер), кто доброй начал обретает (sic).

25) Как раба А. будет жить, счастлива ли? и богато ли?

Отв. Мирно и враждебно и нетленно и спасительно будет жить.

26) Что ожидает рабу А?

Отв. Дух Агиос.

27) Поправятся ли дела А?

Отв. Поправятся.

28) Поправятся ли дела рабы А?

Отв. Поправятся.

29) Велят ли выдать мне проценты?

Отв. В мефу дать аргент (серебро) боится.

30) Что случится с рабом Александром?

Отв. Александрос Львос Филиппа Василавсу Македону урпеу (sic).

31) Поправятся ли дела Александра?

Отв. Господи аще путь беззакония отврати от его, а настави на путь нетления.

32) Что случится с рабом Константином?

Отв. Житие а не роскошная масленица.

33) Что случится с рабою Екатериной?

Отв. Также. 1854 рока. А мца Януария v дня.

πῶς ποῦ ἄρα
λεῖδ' ἄσπευ εἰσὲς
πορῶν ἄπολις
ἄρα μὲν ἔστι.

ἄρα πῶς ἄρα
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς

ἄρα πῶς ἄρα
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς
ποῦ τὸ πῶς

ημεδ ποτυ ορωαβ—
λεεδ Ααρυ ειαεδ
πορωεφ Α παλβιαφ
βραεδ μελιεφ.

ατγρεηπεδ εολοσηγχε
πορο ⁺ ⁺ ⁺ γοηηηηηεδ γοκοιγδ

Вранья и ица. Оица
 Оица рорпоро
 Рорпоро иа ии ии
 ии ии ии ии ии ии
 Оица ии ии ии ии
 Рр ии ии ии ии
 А Оица ии ии ии
 ии ии ии ии ии

26

**МОСКОВСКИХ
ЛЖЕПРОРОКОВ,
ЛЖЕЮРОДИВЫХ,
ДУР И ДУРАКОВ**

26

МОСКОВСКИХЪ

ДЖЕ-ПРОРОКОВЪ,

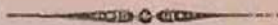
ЛЖЕ-ЮРОДИВЫХЪ,

ДУРЪ

И

ДУРАКОВЪ.

ИЗДАНИЕ П. БАРКОВА.



МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ СЕМЕНА.

1865.

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ.

Иван Яковлевич из Смоленских священнических детей*, учился в духовной академии, жил в Смоленске, занимаясь управлением чего-то, что-то наделал и ушел в лес, решившись юродствовать. Крестьяне нашли его в лесу копающим палкою землю, без шапки и без всякого имущества; они построили ему избушку, стали к нему ходить и скоро имя Ивана Яковлевича сделалось известным во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было чисто в древнерусском духе. Тогда, обыкновенно, все старцы и старицы уходили в лес, в пустынные места, в особенности на север Новгородской области; у них скоро являлась хижина, иначе келия; проходила по окрестности молва о совершавшихся там явлениях, в келии собиралось общество и т. д. Но хижине Ивана Яковлевича не суждено было никакого дальнейшего развития. Сорок три года тому назад, жила в Смоленске одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь невеста, сговоренная за одного из военных, отличившихся в войне 1812 года. Свадьба уж была назначена, но невесте вздумалось съездить к Ивану Яковлевичу. Вот мать и дочь, взяв с собой няньку и девку, садятся в карету, запряженную в шестерик, едут в лес, входят в хижину Ивана Яковлевича и спрашивают у него: счастлива ли будет за мужем такая-то раба Божия? Иван Яковлевич, вместо ответа, вскакивает с места, где сидел, стучит кулаками о стал и кричит: «разбойники! воры! бей! бей!». Воротившись домой, невеста объявила матери, что она замуж за своего жениха не пойдет, потому что Иван Яковлевич назвал его разбойником. Услышав про неожиданный отказ, жених стал выпытывать у людей невесты при-

* Брат его, Илья Яковлевич, был в военной службе, достиг степени капитана, вышел в отставку, и был где-то смотрителем. Живет он в Москве.

чину и узнал, что его невеста была у Ивана Яковлевича, и что он сказал ей что-то очень дурное про ее жениха. Жених, это был Э—ъ*, тотчас же отправился к Ивану Яковлевичу и, рассказывали мне, переломал ему ноги, а потом просил смоленского губернатора избавить общество от этого изувера, который расстраивает семейные дела. В Смоленске, разрушенном войною, не было тогда дома умалишенных, поэтому тамошний губернатор переписался с московским губернатором (эта переписка вероятно цела, — издать бы ее!), и вот Иван Яковлевич посажен в московский «безумный дом». Невеста Э—а замуж не выходила, а пошла в монастырь, была игуменьей и вела переписку с Иваном Яковлевичем. Ехал Иван Яковлевич в Москву, а слава его бежала впереди и распространяла слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий. И сорок три года прошло уж, как Иван Яковлевич, почитаемый равно москвитянками и смольнянками, предсказывает им о женихах, о выздоровлениях, исцеляет больных, пророчествует о морозах, о засухе, о бурях, о холере, о войне и т. п. Ему приносят дары, «с упованием некия пользы», но он, как некий идол, сам ничем не пользуется (т. е. не наживается), а все раздает окружающим его. Кроме того, при «безумном доме», в честь Ивана Яковлевича устроена «кружка», куда доброхотные датели влагают свои лепты, куда идут и несчастный грош бедной бабы, и алая бумажка богатой купчихи.... Приносимые же ему дары состоят, обыкновенно в калачах, яблоках и нюхательном табаке. Принятые Иваном Яковлевичем, они освящаются в его руках, и потом раздаются всем приходящим к нему и производят мнимые чудеса. Одна барыня, приехавшая к Ивану Яковлевичу из Смоленска, услышав однажды голос неверия, сочла своим долгом обратить неверующего на ис-

* Рассказывают, что женихом здесь был не Э—ъ, а К —, который впоследствии действительно оказался вором. Неужели в целом Смоленске не найдется ни одного человека, который собрал бы там все рассказы про Ивана Яковлевича и восстановил их в настоящем виде!

тинный путь, и рассказывала, как Иван Яковлевич исцелил ей палец, который медики единогласно присудили отрезать. Медики объявили ей, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что у ней в комодке лежит сверток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: *табак от Ивана Яковлевича*. Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и, чудо! палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил. «Таким образом, все наши медики, продолжала она, шарлатаны, а Иван Яковлевич — святой человек». Кроме нюхательного табаку, другим, так сказать, символом нездешнего духа Ивана Яковлевича служат записочки, которые он раздает приходящим. Записочки Ивана Яковлевича носят на кресте; они исцеляют от зубной боли, но главное, по смыслу написанного в них, угадывается судьба. Пишет Иван Яковлевич очень хорошо, но нарочно делает каракульку вместо слов, чтобы в его писании было больше чудесного. С этой же целью употребляются им греческие и латинские слова. Предсказания его и записочки всегда загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все, и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известной целью, они постоянно сбываются. Вот пункт, на котором никак не собьешь его поклонниц! Но, говорят, что Иван Яковлевич теперь уж редко сам пишет эти записки, и что писанием их занимался бывавший ежедневно у него богделенный диакон, который и собирал материалы для жизни Ивана Яковлевича. Из других способов, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича замечательные следующие: девушек он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения, придавая тому и другому символическое значение. Княгиня В—ая умирала и лекаря отказались ее лечить. Она велела везти себя к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своем здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в

руках два большие яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно и она упала; еле-еле довели ее домой и, чудо! на другой день она была здорова.

В его палате стены уставлены множеством икон, словно часовня какая. На полу перед образами стоит большой вы-серебрянный подсвечник с местной свечой; в подсвечник «ставят» свечи. Налево низко молится странник с растрепанными волосами и в порыжелом от солнца кафтане. Направо, в углу, еще ниже молится баба. Прямо на диване сидит молоденькая девушка, а на полу возле *него* известная купчиха З—ая. Увидав вошедших людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтоб не замарать его на полу, подвела к *нему* под благословенье своего ребенка, потом сама подошла, потом поцеловала его руку и лоб, перекрестила его и вышла.

Направо в углу, на полу лежит Иван Яковлевич, закрытый до половины одеялом. Он может ходить, но несколько лет уж предпочитает лежать. На всех других больных надето белье из полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка и одеяло, и наволочка из темноватого ситца. И этот темный цвет белья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели все отправления, как-то обеды и ужины, (он все ест руками — будь это щи, или каша) и о себя обтираться, — все это делает из его постели какую-то темногрязную массу, к которой трудно и подойти. Лежит он на спине, сложив на груди жилистые руки. Ему около 80 лет. Лоб высокий, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Он молчит, или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы. Сторож ему и говорит: «Иван Яковлевич, что же вы не скажете ничего господам? скажите что-нибудь им?» «Я устал», отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное.

Иван Яковлевич лет по десяти не говееет. Явление понятное. По великим постам, велит приносить себе постные и скоромные кушанья (и ему приносят!), мешает их вместе, и сам ест и других кормит. И ханжи, которые дома не обходятся без постного сахару, едят у Ивана Яковлевича

скромные щи, веруя, что это богоугодное дело. Вообще же мешанье кушаньев имеет в глазах Ивана Яковлевича какое-то мистическое значение. Принесут ему кочанной капусты с луком и вареного гороху; оторвет он капустный лист, обмакнет его в сок и положит его к себе на плешь, и сок течет с его головы; остальную же капусту смешает с горячим горохом, ест и других кормит: скверно кушанье, а все едят. За обедом и ужином не запрещена Ивану Яковлевичу водочка.

Из почитателей Ивана Яковлевича известны: упомянутая выше купчиха З—ая и ее муж, и г-жа Г—ая. Говорят, что у Ивана Яковлевича часто бывал покойный гофмаршал Олсуфьев, и когда он приезжал, то к Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г—ая имела в Москве судебное дело, в котором отказано ей было во всех инстанциях. Подавала она несколько просьб начальству, и кончилось тем, что ее обязали подпиской не беспокоить более начальства. Что ей делать? Она бросилась к Ивану Яковлевичу. Он ей сказал: не бойся! ступай в Питер и проси священника Александра. Она поехала в Петербург, говела там, исповедалась нарочно у священника Александра и выиграла дело. У нее же за долги было назначено в продажу имение. Завтра аукцион: что ей делать? она к Ивану Яковлевичу. Не бойся, говорит он ей, на своем мистическом языке, все будет хорошо! Она грешная не верит, идет домой, и что ж? ей дают займы денег, она платит их, и именье остается за нею! Но не ко всем добр Иван Яковлевич. Настоящих дураков и он даже гоняет от себя, особенно, когда они обращаются к нему с нелепыми вопросами. Приезжают раз к нему три жирные такие купчихи в тысячных салопах, и одна из них, беременная, спрашивает: кого она родит, мальчика или девочку? Иван Яковлевич выгнал их всех и не стал с ними говорить. Приехала к нему известная некогда красавица, купчиха Ш—а, и спрашивает его о чем-то, а он сказал подняв ей подол: все растрясла, поди прочь! В числе почитателей Ивана Яковлевича считается одно известное лицо, которое по его записочкам, написанным на клочке серой бумаги, оказывает покровительство его род-

ственникам. Так например, племянник Ивана Яковлевича был переведен из села Петровского в село Черкизово. И потом эти черкизовские родственники и хлопотали, как бы взять Ивана Яковлевича к себе и, таким образом, открыть у себя торговлю. Им помогал некто Верещагин. Говорят, что он прежде был дьяконом, потом женился на купчихе, был учителем, по ходатайству одного лица перед князем С. М. Голицыным, поступил в Совет, где по милости же князя, дослужился до коллежского асессора, потом поступил в монахи, а теперь опять сделался светским. Он подавал уже прошение, чтобы позволили взять Ивана Яковлевича из «безумного дома», но ему отказали.

Вот тридцать три подлинных письма Ивана Яковлевича, из которых 30 были писаны им к одной даме, имеющей с ним сношение со времени ее выхода из Екатерининского Института, в продолжение более 20 лет. Она или сама к нему ездила за ответами, или посылала к нему девушку с записочкою. Каждый шаг ее жизни, вся участь ее детей, — все это предварительно подвергалось обсуждению Ивана Яковлевича. Задумает она, например, что-нибудь о своем сыне, и напишет Ивану Яковлевичу записочку: будет ли счастлив такой-то мой сын? и он на той же самой записочке и ответит ей: счастлив будет! она и верит, и поступает, как следует. Все эти ответы хранились у нее бережно.

1) Что ожидает Петра, женитьба или монастырь?

Отв. Я не думала и не гадала ни о чем во свете тужить. А когда пришло времишко взяла грудь тамить. Несте под законом, (законом), но под благодатию.

2) Идти ли ей в монастырь?

Отв. Цорная риза ни спасает, а альпа (белая) риза у ереси не уводит. Будьте мудри, яко ехидны и цели, яко колюмпы (голуби) и нетленен, яко арпорс (деревья) кипари-

си, и певки и кедри... 185д рока, мензис (месяц) иулия ХХII. Студент холодных вод Иоаннус Ияковлев.

3) Скоро ли получит место раб божий Николай? (семинарист).

Отв. Во вселия (т.е. в селы), Господи во места света и прохлады и нетления и без врежден и без худых волей.

1) Женится ли X?*

Отв. Без працы не бенды кололацы (sic).

2) Выду ли я замуж?

Отв. Это хитрая штука в своей силе, что в рот носили.

3) Когда А. поедет в Петербург?

Отв. А. (имя) дух сокрушенный во храме Соломона молитвы дед.

4) Продадут ли деревню?

Отв. Не продадут.

5) Скоро ли X. разбогатеет?

Отв. Не скоро, а животи здорово!

6) Продастся ли деревня?

Отв. Никогда.

* Все следующие письма принадлежат даме, которая ведет переписку с Иваном Яковлевичем со времени своего выхода из Екатерининского Института.

7) Любит ли А—у Н—й?

Отв. Н—й любит Екатерину.

8) Что мое дело?

Отв. Воды льются всиду, но не равны все сосуды.

9) Богато ли будет жить раба А?

Отв. Бог богат, надо думать, что будет богата и Клеменция (clementia).

10) Ехать ли А—у этою зимою в Петербург?

Отв. Как вам угодно.

11) Скоро ли А. получит должность?

Отв. Не скоро, а животу здорово.

12) Будут ли мне рады в Петербурге?

Отв. Бог лучше радуется о спасении брэнного человека, нежели 9-10 праведных соспасенных (sic).

13) За кого выдет девица А. замуж?

Отв. За Иосифа.

14) Будет ли счастлива и богата?

Отв. Благополучен.

15) Поправятся ли мои дела?

Отв. Господи, аще путь беззакония отврати от его, а настави на путь нетленного живота.

16) Что ожидает рабу А?

Отв. Мир нетления.

17) Чем кончится в Сенате у рабе А? (sic).

Отв. Кто больше знает, подавай тому свет Вивлае (библии). Во Хирас. 1854 рока а мца Сентиу.

18) Не продадут ли деревню у рабе А, при ней ли останется?

Отв. Нет.

19) Счастлив ли будет сын А. Александр старший, и кто он будет?

Отв. Пока счастье прозябает, полна друзей бывает, а когда щастие проходит, тогда zde един друг не приходит. (Должно заметить, что московский оракул пишет вместо б — п, а потому вместо *бывает* — у него: *пывает*).

20) Счастлива ли будет дочь ее, Анна и *кто она будет?*

Отв. Щастьлива.

21) Счастлив ли будет Сергей и *кто он будет?*

Отв. Счастлив.

22) Счастлив ли будет Владимир и *кто он будет?*

Отв. Щастьлив.

23) Счастлив ли будет Николай и кто он будет?

Отв. Щастьлив, а чин его архидиакон.

24) Батюшка, Иван Яковлевич! Скажи в пользу ли рабы А. кончится дело в Сенате?

Отв. Половину дела той мает, кто доброй начал обретает (sic).

25) Как раба А. будет жить, счастлива ли? и богато ли?

Отв. Мирно и враждебно и нетленно и спасительно будет жить.

26) Что ожидает рабу А?

Отв. Дух Агиос.

27) Поправятся ли дела А?

Отв. Поправятся.

28) Поправятся ли дела рабы А?

Отв. Поправятся.

29) Велят ли выдать мне проценты?

Отв. В мефу дать аргент (серебро) боится.

30) Что случится с рабом Александром?

Отв. Александрос Львос Филиппа Василавсу Македону урбсу (sic).

31) Поправятся ли дела Александра?

Отв. Господи аще путь беззакония отврати от его, а настави на путь нетления.

32) Что случится с рабом Константином?

Отв. Житие а не роскошная масленица.

33) Что случится с рабою Екатериной?

Отв. Также. 1854 рока. А мца Януария v дня.

Упомянем еще о некоторых мнимых чудесах покойного лжепророка, записанных в Органоне князя Долгорукого. Я наблюдал, говорит князь А. Долгоруков*, за Иваном Яковлевичем в Москве, в доме умалишенных; вот один случай, который убедил меня в его прозерцании. Я любил одну А.—А.—А., которая, следуя в то время общей московской доверенности к Ивану Яковлевичу, отправилась к нему, не предскажет ли ей чего-нибудь нового; возвратившись оттуда, между прочим, рассказала мне, что она целовала его руки, которые он давал, и пила грязную воду, которую он мешал пальцами; я крепко рассердился и объявил ей формально, что если еще раз поцелует она его руку, или напьется этой гадости, то я до нее дотрагиваться не буду. Между тем, спустя недели три, она отправилась вторично к нему, и когда он, по обыкновению, собравшимся у него дамам, стал по очереди давать целовать свою руку и поить помянутою водою, то дойдя до нее отскочил, прокричав три раза: Алексей не велел; узнав это я решился к нему поехать и понаблюсти за ним; первая встреча моя была с ним: как только я взошел, он отвернулся к стене и начал громко про себя говорить: Алексей на горе стоит, Алексей по тропинке идет узенькой, узенькой; холодно, холодно холодно, у Алексея не будет ни раба ни рабыни, ноги распухнут; Алексей, помогай бедным, бедным, бедным. Да,

* Органон животного месмеризма. Соч. князя Алексея Долгорукова. Спб. 1860, стр. 301-303.

когда будет Алексей божий человек, да... когда с гор вода потечет, тогда на Алексее будет крест. Признаться сказать, эти слова во мне запечатлелись, и после этого я выучился трем мастерствам; хотя мне и объясняли эти слова ясновидящие и высокие, но однако день Алексея Божия человека я неравнодушно встречаю. Из наблюдений над ним, я утром более находил в нем созерцания и многие такие откровенные вещи он открывал, что самому высокому ясновидцу только можно прозерцать; в других же иногда целыми днями он пустяки городил. Говорил он всегда иносказаниями*.

Незадолго до своей смерти Иван Яковлевич написал к одному лицу в Москве следующее письмо, которое издается здесь с необходимыми пропусками:

«..... Иоанн Яковлевич оттенок нетленного света тышет к лучю нетленного света бессмертного луча и света.... на брэнной земле.... свет миру, а лучь православный на земли и на водах ей витийствует Дух, да почиет свет от трудов своих; не приветствуя Вас.... как всегда готового для всемирной славы, тако мир благовестую. Более гораздо квадратных лет ради Бога с его народами тружусь у печки на двух квадратных сажнях. Кто ищет царствие небесное нудится, а нуждницы восхищают. Благодарю создателю моему, что он меня пораженного болезнями не отринул, послал исцеление. Ты Господи вся стихиею сотворил еси; Души праведных в руке Божии, от нетленного Света брэнный свет питается..... обратите милостивое Ваше внимание на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу из больницы на чистый прохладный безболезненный воздух к родной племяннице моей диаконице Марии в село Петровское, за

* Он прежде никогда не говел; один купец, мне знакомый, имеющий пять человек детей, каждый пост езжал его уговаривать и всегда получал ответ: «у тебя буду говеть». В холеру разом купец потерял жену и детей и с горя остригся в монахи; на другой день посвящения его в ие-ромонахи, Иван Яковлевич вдруг стал плакать и просить привести из такого-то монастыря такого-то. Мы все в нем узнали бывшего купца и он у него исповедался и приобщился. Прим. князя Долгорукого.

такое Ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святой воздаяние во единой Троицы славимый? Аминь.» Действительно, по этому письму хотели Ив. Яковл. выпустить из безумного дома, но когда ему объявили это, то он сказал, что идти никуда не хочет, а тем более в ад. —

«Находившийся в Преображенской больнице Иван Яковлевич Корейша, сего Сентября 6-го числа в четвертом часу пополудни, скончался; отпевание тела имеет быть в Воскресенье 10-го числа, в 10-м часу утра, в приходской, что в Екатерининском Богаделенном доме, церкви, а погребение в Покровском монастыре.» Таково было известие, которое в одно утро Москва прочла в Полицейских Ведомостях. Иван Яковлевич умирал. Недели за три до смерти, уста его смолкли для пытливых носителей, которые уже бесплатно входили к нему в комнату, наблюдали за его предсмертными вздохами и выходили от него с грудью нерешенных вопросов. Из его предсмертных особенных действий известно, что за восемь дней до смерти он приказал купить восемь окурней и сварить ушку. Покушав немного рыбки, он дальнейшее истребление ухи отложил до утра; потом, раз ночью, выдвинулся он на середину комнаты и лег ногами к образам, как прилично покойнику, но внимательными заботами проснувшегося сторожа положен был на прежнее место, в угол к печке. Наконец, стукнул роковой час, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная весть о смерти его быстро пронеслась по всем концам Москвы, множество поклонников спешило к нему из-за Яузы, из Таганки, из-за Москворечья, и все несли ему уксусу, спирту, духов, масл для умащения его тела. Два дня стоял он в своей комнате, и масса народа не отходила от него, прикладывалась к нему и помазывала его для уничтожения появившегося зловония. Благоразумные же поклонники, опасаясь, что от усердного натирания труп окончательно испортится, сочли нужным вынести его в часовню. Назначено было его хоронить в Воскресенье, как и объявлено было в «Полицейских Ведомостях», и в этот день, чем свет, стали стекаться к нему почитатели, но погребение не состоялось за возникшим спот-

ром, где именно его хоронить. Говорят, что чуть не дошло до драки, а брань уж была и порядочная. Одни хотели везти его в Смоленск на место его родины, другие хлопотали, чтоб он был похоронен в мужском Покровском монастыре, где даже вырыта была для него могила под церковью, третьи умиленно просили отдать его прах в женский Алексеевский монастырь, а четвертые, уцепившись за гроб, тащили его в село Черкизово, где у покойного осталась племянница в замужестве за диаконом, который поэтому и нажил себе благодетелей. На последней стороне больше всего было силы, и она одолела. Из опасения, чтоб не украли тело Ивана Яковлевича, стоявшее в часовни, сначала приставили к нему сторожа, а потом внесли в церковь, откуда уже никак нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди, и была везде страшная грязь, но, несмотря на то, во время перенесенья тела из квартиры в часовню, из часовни в церковь, из церкви на кладбище, женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб. Принесли его в церковь. Три кружки, стоявшие зачем-то у гроба, быстро наполнились деньгами, и затем деньги посыпались в гроб. Немало было явлений. На другой день после смерти Ивана Яковлевича явился живописец (называют одного профессора живописи) снять с покойника портрет, но только что он хотел приняться за работу, как у покойника тотчас начали вспухать глаза, губы стали вздуваться, и все решили, что Ивану Яковлевичу вероятно не угодно, чтоб с него снимали портрет, и портрет так и не снимали. Умер он от водяной, но совершенно не это было причиной того, что его разнесло и из гроба текло. Вот от чего это сделалось, как рассказывают: какой-то католик, лекарь, прикоснулся рукой к голове Ивана Яковлевича, и это так оскорбило покойника, что он, не желая вновь испытать какое-нибудь нечистое прикосновение, решил лучше испортиться. Еще при жизни Ивана Яковлевича, когда он лежал недвижим, а из под него текло, служителям велено было посыпать пол песком. Этот-то песок, намоченный из-под Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песо-*

чек от *Ивана Яковлевича* стал оказывать врачевную силу. Когда же умер он, то многие приходили издалека и покупали песочек у сторожей. Песочек стал истощаться, а цена ему возрастала, и вот прозорливые сторожа носили песок со двора, мочили его уж из-под себя, и продавали, но, несмотря на все это, сила в *песочке* оставалась та же самая. Одна из таких-то поклонниц, купившая *песочек*, вылечила им своего сына, ребенка. Разболелся у ребенка животик, мать и дала ему в кашке пол-ложечки *песочку*, и ребенок выздоровел. Вату, которой заткнуты были у покойника нос и уши, после отпевания делили на мелкие кусочки. Наконец, многие приходили к гробу с пузырьками и собирали в них ту влагу, которая текла из гроба. Должно думать, что и эта влага будет оказывать целебное действие на детей. Срачицу, в которой умер Иван Яковлевич, разорвали на кусочки. Пришли солдаты его обмывать, но женщины вытолкали солдат вон, как недостойных, и сами его обмыли, и ту воду, которой обмывали, тут же выпили. Поэтому-то у пишущего сии строки есть и *песочек* и *кусочек срачицы*, но воды нет. Во все время, пока тело стояло, ежеминутно служили панихиды. На могиле в день похорон, говорят, было отслужено до семидесяти панихид, за что причетники получили до 400 р., неизвестно только, ассигнациями или серебром. По отпевании прикладывались только к рукам покойника, которые были спущены из гроба, сам же он был весь закрыт, и прикладывались так долго, так усердно, что, казалось, конца не будет. Гроб до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его на счет Г. Заливского хотя он и католического вероисповедания. (См. в Сев. Пч. о похор. И. Як.) Этот же самый г. Заливский хоронил и Семена Митрича. Ко времени выноса из церкви собрались *уроды, юроды, ханжи, странники, странницы*. В церковь они не входили, за теснотой, и стояли на улице. И тут-то среди белого дня, среди собравшейся толпы, делались народу поучения, совершались будто бы явления и видения, изрекались мнимые пророчества, хулы, собирались день-

ги, издавались зловещие рыкания, и пр. и пр.*

Неутешная толпа прямо с похорон пошла в безумный дом, и венчала там на место Ивана Яковлевича нового юродивого, который уже лежал на его месте, испив малую толику от заупокойные чаши.

Новый юродивый, еще при жизни Ивана Яковлевича писавший записочки, сгоряча говорит не уставая, говорит много, но совершенно безотносительно к нуждам посетителей, и все больше о политических неурядицах, до которых никому дела нет. И поклонники умершего пророка, скорбя о невозвратной их потере, никак не могут забыть старого лжепророка. Московские купчихи завертывают в дорогие турецкие шали свечи и ладан, едут на могилу Ивана Яковлевича, и, отдавая там свои дары, говорят: свечи и ладан *нашему батюшке*, а шаль священнику.

* Г. Славинский в «Очерках Москвы» указывает еще несколько особенностей погребения Ивана Яковлевича. В продолжение пяти дней его стояния отслужено более двухсот панихид; псалтырь читали монашески и от усердия некоторые дамы покойника беспрестанно обкладывали ватой и брали ее назад с чувством благоговения; вату эту даже продавали; овес играл такую же роль; цветы, которыми был убран гроб, расхвачены в миг; некоторые изуверы, по уверению многих, отгрызали даже щепки от гроба. Бабы провожали гроб воем и причитаниями: «на кого ты нас батюшко, Иван Яковлевич, оставил, покинул сироти-нушек (это слово пелось и тянулось таким тоном, что звенело в ушах), *кто нас без тебя от всяких бед спасет, кто на ум-разум наставит батюшка-а-а?*» Многие ночевали около церкви. Могила выстлана камнем наподобие пещеры.... Долгое время на могиле служили до двадцати панихид в день... (Очер. Москвы, стр. 212).

Стих

НА ПОХОРОНЫ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА.

Какое торжество готовит *желтый дом*?
Зачем текут туда народа волны
В телегах и в ландо, на дрожках и пешком,
И все сердца тревоги мрачной полны?
От Пресни, от Щипка, к Сокольникам стремясь,
По улицам великия столицы,
Бегут, подняв хвосты, разбрызгивая грязь,
Всех кумушек московских вереницы.
К слышится меж них порою смутный глас,
Исполненный сердечной, тяжелой боли:
«Иван Иаковлич безвременно угас!
Угас пророк, достойный лучшей доли!»
О, бедные! мне ваш понятен вопль и стон;
Кто будет вас трепать немытой дланью?
Кто будет мило так дурачить вас, как он,
И услаждать ваш слух своею бранью?
Кто будет вас кормить бурдою с табаком
Из грязного, вонючего сосуда,
И лакомить подчас засохшим крендельком,
Иль кашицей с засаленного блюда?
Ах, этих прелестей вам больше не видать!
Его уж нет! и с горькими слезами
Спешите вы ему последний долг отдать
Со всех концов Москвы несметными толпами....
Того уж нет, к кому полвека напролет
Питали вы в душе благоговенье,
И, в слепоте, всему, что сдуру ни соврет,
Давали вы глубокое значенье.
Да, плачьте, бедные, о том, кого уж нет,
Кто дорог был равно для малых и великих,
Но плачьте и о том, что просвещения свет
Еще не озарил понятий ваших диких!

СЕМЕН МИТРИЧ.

Сравнивая Семена Митрича с Иваном Яковлевичем, мы находим в последнем великого древнерусского философа и мыслителя, не имеющего, по-видимому, ничего общего с первым; но они родные друг другу, и только Семен Митрич несколько пооткровеннее Ивана Яковлевича. Если Иван Яковлевич валяется на полу в пыли, в грязи, в сале, то Семен Митрич — это просто масса живой грязи, в которой даже не различишь, человеческий ли это образ или животный. Было в Москве одно купеческое семейство, состоявшее из отца и сыновей, жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились, разделились, при разделе один обманул другого, и вот начали жить они отдельно, проклиная друг друга. Один из братьев скоро умер, успев отдать свою дочь в Никитский монастырь, где она жила до последнего времени, а другой, весь прожился, стал юродствовать и, наконец, сделался *Семеном Митричем*. В славу он вошел на Смоленском рынке, пятьдесят лет тому назад. Прежде, он все зимой бегал на реку умываться, бегал босой и в одной рубашке, потом засел дома и начал предсказывать. Последние 25-ть лет жил он постоянно на одной квартире у Николы на Щепках, в доме купца Чамова, где и умер. Идя к нему, надо было, войдя в ворота, пройти через грязный переулок на заднем дворе спуститься в подzemелье, и тут направо была кухня, где он жил. Кухня — вроде подвала со сводом; прямо русская печь; направо окно и стена, уставленная образами, с горящими лампадами; налево в углу лежит на кровати Семен Митрич; возле него лохань; в подвале мрак, грязь, сырость, вонь.... Он прежде все лежал на печи, потом лег на постель, с которой ни разу не вставал в продолжение последних нескольких лет. Тут, лежа на постели, совершал он все отправления; прислуживавшая ему женщина одевала и раздевала его, иногда раза по два мыла его и переменяла у него белье. «Если же не доглядишь!»! рассказывала она: «так он и лежит».... «А то,»

прибавляла другая, «ручку бывало замарает: ты подойдешь к нему, а он тебя и перекрестит». Вот это-то и было у Семена Митрича *великим подвигом*, поэтому-то и он считался *великим подвижником*! Церкви, по обыкновению, он не знал. Богу незнамо когда молился, говорили мне у него. Вот Иван Яковлевич — тот великий философ. Он бывало и *от писаний* скажет, и эллинской премудрости научит, и табачок освятит, а Семен Митрич ничего этого не знал. В первых, он не любил, чтоб его спрашивали о чем-нибудь. Спроси его кто-нибудь о женихе, или о пропаже, или, как одна барыня, спросила, *куда убежала ее девка?* он или обольет помоями, или какую нечистью обдаст. Для получения от него ответа *нужно было только подумать*, а он и скажет. «Святой был человек!» прибавляла рассказчица. Да и говорил он, не ухищряясь, как велемудрый Иван Яковлевич, а просто, что ему взбредет на ум: «доска», «полено», «воняет», «вши» и т. п., а почитательницы-то его над каждым таким словом и ломают голову, отыскивая его таинственное значение. Богатая купчиха из Рогожской выдавала дочь замуж и приехала спросить у Семена Митрича: что жених? выдавать ли дочь? м т. п. Вошла и села она, а он и говорит: «доски!» — «Что это за доски?» спрашивает купчиха: «какие у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелком да бархатом.» — «А мы отвечаем ей», говорила мне рассказчица: «что не знаем,» а сами думаем: как не знать? известно, что значит «доска,» — гроб». — Так ведь и делалось: дочь-то у купчихи умерла.... Стал он — Семен Митрич — приближаться к кончине. Исповедался, причастился и маслом соборовался, и за день до Нового года (1864) преставился. «Хорошо он умер?» спрашиваю я. «Ах, так-то хорошо! так-то хорошо! Да кому ж и умирать так, как, не великим подвижникам!» Еще во время болезни навещали его купчихи, барыни, княгини, графини. Которая сама не приедет, та девку или лакея пришлет: «что, как Семен Митрич?» Больше всего бывали у него штабс-капитан 3-ий, да его супруга, из купеческого рода: то один приедет, то другая. Хоронил его г. 3-ий. Положил его в дорогой гроб, за который дали двадцать восемь рублей. Пока еще стояло

тело, панихиды не прекращались с утра до ночи: отслужили одну, сейчас же просят другую. Обедню во время отпевания служили соборне: протоиерей, два священника, три дьякона, и пел хор певчих. Говорили, будто один человек очень сердился, что ему не сказали про смерть Семена Митрича: тогда, говорила рассказчица, не столько было бы духовенства! Другие же, как только узнали про его смерть, тотчас начали стекаться из разных мест. Стечение народа было страшное! Двор постоянно был полон; где лежало тело, туда уже нельзя было и пролезть. Все имущество Семена Митрича растащили на память и из почтения, и теперь берегут где-нибудь.... Один тащил его подушку, другой какую-нибудь его тряпицу, третий ложку, которой он ел, четвертый его опорки.... и т. д. Все образа взял, с разрешения священника, Иван Степанович, живущий на Пахре, о котором мы ниже будем говорить. Хоронили его на четвертый день, но многие сердились, зачем так скоро его хоронят. Переулки, примыкавшие к дому, где жил Семен Митрич, церковь, — все это захлебнулось народом. В церкви, во время обедни, у гроба его стояла стена народу; все лезли, кто приложиться, кто только чтоб до него дотронуться.... И эти стены народа, окружавшие гроб, по окончании отпевания, сдвинулись и подняли гроб и понесли его на Ваганьково кладбище. Впереди всей процессии скакал *неизвестный никому* юродивый босиком и в черной рубашечке. Скачет, скачет, остановится, три раза поклонится гробу, и снова скачет. Потом несли образ, шла певчие, духовенство, плотная масса народа *на головах* несла гроб, следовали другие массы народа, ехали экипажи.... На кладбище *ревнителями* было устроено обильное угощение. Разошлись поздно.

ДАНИЛУШКА КОЛОМЕНСКИЙ.

Он из крестьян. История жизни его печальна и трогательна — это история того, как у нас падают и замирают сильные натуры.

Данила Иванович, или, попросту, Данилушка, уроженец Московской Губернии, Коломенского Уезда, села Лыкова, принадлежавшего Б. Он сын лыковского крестьянина Ивана Ефремова, мужика богатого, и закоренелого раскольника, который считался первым начетчиком и исполнителем разных обрядов, имел у себя *моленную*, где попом была его жена, мать Данилушки. Она постоянно пребывала в моленной, собрав около себя старух, читала им писания и толковала, и за то всеми была уважаема. Село Лыково разделялось на две слободы и обе слободы ходили молиться к Ивану Ефремову; ему же отцы поручали своих детей, товарищей Данилушки. Но эти товарищи ему не нравились, как вероятно, не нравился и тог мрачный дух, который господствовал в доме его отца, и Данилушка выросал одиноко. Никогда он не играл с детьми из своей слободы, а лет с десяти стал ходить в другую слободу, называемую Бутырки, где не было *ни одного раскольника*, и охотно играл с тамошними мальчиками. Игра деревенских мальчиков, обыкновенно, бабки. Данилушка, наиграв у мальчиков бабок, им же их потом и продавал, играл же он лучше всех, несмотря на то, что был очень близорук. Когда ему было лет двенадцать, искусство его играть в бабки дошло до чрезвычайности: он один всех обыгрывал, и мальчишки покупали бабки не иначе, как у него. Таким образом, оборот маленького капитала Данилушки шел быстро: у него в неделю скоплялось до 30 к. сер.; но эти деньги он никогда не носил домой, а отдавал их на сбережение бутырскому мужику Герасиму, церковному старосте. Герасим любил мальчика за сиротливость, давал ему ужинать, оставлял его у себя ночевать и мальчик полюбил его, и просился у него жить, потому что дома ему приходилось плохо: отец боль-

но бил его, за нехождение в молельню. И Герасим, наконец, взял к себе Данилушку, стал *приучать* его к церкви, т. е., брать постоянно с собой, или посылать, вместо себя, к ящику, заставлял его в свободное время, становиться на клиросе и петь по слуху, потому что, как мы уже сказали. Данилушка был близорук и не мог учиться грамоте. Мало-помалу Данилушка привык к церкви, в продолжение каких-нибудь 8-ми или 10-ти месяцев выучил несколько тропарей, и прислушиваясь, подпевал дьячку. Между тем, отец Данилушки сердился, ходил браниться с Герасимом, и жаловался на него барину, что он держит его сына. Герасим спрятал мальчика, сказав, что он ушел, неизвестно куда, а барин, как только узнал, что это мальчик смирный и добрый, взял его к себе в дом. С этого времени Данилушка окончательно возненавидел своего отца и уж больше у него не жил. Барин сделал Данилушку слугою, стал его одевать, обучать, и хотел даже снова начать учить его грамоте. И вот в будни Данилушка служил в барском доме, а по праздникам продолжал ходить на клирос и служить в алтаре. Но ему скоро надоело ходить обутым в сапоги. С неделю ходил он в барской одежде и сапогах, а потом и то и другое скинул и принес барину, сказав, что ходить в этом не может, потому что все падает. Убежденный откровенным признанием Данилушки, барин позволил ему не носить сапогов, кроме воскресных дней, но для него и это было тяжело. В первое же воскресенье он поднес барину, в церкви, сапоги, и сказал: как хотите, а сапоги не надену. С этих пор Данилушка уж больше никогда не носил сапог, а потом освободился и от барской службы. В праздник и в будни, он постоянно пребывал в церкви, а когда не бывало службы в селе Лыкове, то бегал в соседние селы, за две, за три и за пять верст. На дворе, бывало, темно еще, а Данилушка бежит куда-нибудь к заутрени, и как бы рано она не началась, а он уж, верно, успеет к самому началу. И не оставивал его никакой мороз, хоть бы в тридцать градусов: решительно в одной рубашке, по колена в снегу, по оврагам и полям бежит он к заутрени, в село Новое, или Семеновское. Сначала Данилушка больше всего ходил в село Но-

вое: оно от Лыкова на расстоянии версты, не более. Потому ли он ходил в новинскую церковь, что близко, или ему нравилась тамошняя служба — Бог его знает, но только там постоянно его видали, и раньше всех. Если, случалось, придет он раньше благовеста, то зайдет в ближайшую крестьянскую горенку, и там дожидается, пока заблаговестят. А заходил он больше всего к старику скотнику Герасиму, который с 9-ти лет постоянно состоял при храме Божиим, и знал отлично весь порядок службы. Как скоро ударят в колокол, сейчас Данилушка и начнет надоедать дяде Герасиму, чтоб шел скорее в церковь, и когда они придут и станут на клирос, *дядя Герасим* дает Данилушке тон, как петь, и Данилушка, прислушиваясь к нему, подтягивает. Так несколько времени ходил он в эту церковь, и вдруг что-то ему не понравилось, и он начал ходить в другое село — Шкин в 4 верстах от Лыкова. Шкинский церковный староста, человек с состоянием и благочестивый, увидя в Данилушке особую ревность к церкви, пригласил его к себе жить, а у него, на то время, умер барин, отец же от него отступился, так что он был вполне свободен. Оставшись у шкинского старосты, Данилушка получал от него красные рубашки, постоянно ходил в церковь, и еще усерднее обыгрывал в бабки мальчиков, и больше носил домой денег. Мы видели выше, как Данилушка, с раннего детства, искал нравственной свободы и простора жизни. И вот, теперь, он был вполне свободен, но выхода, как и прежде, у него никуда не было, и он стал снова тяготиться своей свободой, снова бежал чего-то искать, но дух его не был уже чист, как прежде: он много потерял с того времени, как, десятилетним мальчиком, в первый раз убежал играть в чужую слободу.... он уже становился лжеюродивым. Около четырех лет, он прожил у шкинского старосты, и потом ушел в Коломну, где его приняли как настоящего юродивого. Там ходил он по улицам, по церквам, ему давали денег, он деньги брал, опускал их за пазуху, и вечером относил в свою квартиру, которая прежде была в доме почетного гражданина К., а потом у Ш. По прошествии недели навещал его шкинский староста, обирал у него деньги и увозил к себе в церковь, где, в

непродолжительное время, накопились целые кучи медных денег. А Данилушка продолжал ходить по городу, собирать деньги, да шутить с купцами. Если кто был толст, то Данилушка, потрепав его по плечу, говорил: «эй ты, кошелка!» Одного он называл *синим*, другого *звонким*. Если они наоборот, смеясь, говорили ему: «Данила ноги-то отморозил,» то он отвечал: «сам отморозил,» и заложив руки на спину — его обыкновенная походка — продолжал идти далее и напевать про себя: *о всепетая мати*, или: *милосердия двери отверзи*. Так, живя несколько лет в Коломне, он успел столько собрать денег, что выстроил в Шкине колокольню, самую церковь расписал внутри и снаружи, слил туда два колокола, один в 300 слишком пуд, а другой в 150. Воспитание Данилушки, совершавшееся в среде купцов и благочестивых купчих, шло вперед — и вот он начал предсказывать. Рассказывают, будто Данилушка три раза предсказывал пожар в Лыкове, а в третий раз сказал, что Лыково сгорит в *великую субботу*, а вместе сгорит и его отец, что и сбылось. В селе был огромный пожар, и отец Данилушки, увидя что горит его дом, побежал взять деньги в светелке, но пламя его охватило, и он сгорел. Не жилось в Коломне Данилушке, и он ходил в Москву, и жил здесь, без сомнения, в Замоскворечьи, где и получил окончательное воспитание в домах богатых купцов. Но в Москве Данилушке, почему-то не пожилось, и он опять ушел в Коломну, к любезным ему почетным гражданам его приснопамятного города. И коломенские купцы так любят Данилушку, что за счастье всякий из них считает подать ему копейку, две, даже гривну, потому что, как они говорят, «*торговли нет*, если кто не успеет подать ему утром, на почине». Калашники, выйдя утром на рынок, не продают свой товар до тех пор, пока не пройдет Данилушка. Вот проходит мимо Данилушка, и берет у кого-нибудь калач, — и тот купец, у которого был взят калач считается счастливым, и покупатели рекомендуют его друг другу, говоря, что «нельзя не взять калача, сам Данилушка взял — стало быть калачи хороши, да и продает их человек благочестивый, потому что к неблагочестивому Данилушка не пойдет.» Так,

ходя по городу, из дома в дом, из улицы в улицу, и потакая всяческим вожделениям жителей, Данилушка набирает множество денег, с целью, как говорят, построения церквей. Умер в Москве лжеюродивый *Семен Митрич*, и Данилушка был на его похоронах, и плясал в церкви.

МАКАРЬЕВНА.

Она из иногородных мещанок, жила прежде в Зарядьи, а потом на Солодовке, и теперь также пребывает где-то за Москворечьем, где так много пустосвятов и ханжей. Это баба лет сорока пяти, толстая, хорошо сложенная, лицо ее так и светится покоем и беззаботностью. Называет она себя *вдовицей*, *странницей*, рассказывает, что обошла все пустыни и монастыри и всю Палестину, и о том, какие ей бывали видения. Ходит в черном суконном шушуне с широкими рукавами, подпоясана ремненным поясом; на голове у ней черная бархатная шапочка, но случается, что она распустит по плечам косу, так и ходит. В руках у ней огромная палка, которую она называет *жезлом иерусалимским*, или пучок свечей, а на шее у ней надеты четки с большим крестом. Говорит иносказательно, благословляет и дает целовать свои руки. Ее очень часто можно встретить в рядах, где молодые прикащики, от нечего делать, — обыкновенно перекидываются бранью и остротами с чиновниками, офицерами и разными ханжами, собирающими подаяние, в том числе и с матерью Ольгой. Очень не любит она, если кто-нибудь ей скажет: «шла бы ты Ольга Макарьевна в сиделки в больницу, или на фабрику, в артель в кухарки; ведь труды-то Бог любит.» На эти слова она непременно ответит такой бранью, что зажимай уши. А сама себя она называет *птицей небесной*, *голубицей оливаной*, и пользуется великим уважением между купчихами Таганки и Замоскворечья. Она необходимая принадлежность похорон, поминок, именин, свадеб, отпуска невест под венец, и т. п. На похоронах, и на поминках она играет роль утешительницы, надевает на плачущих четки и крест с себя, говорит разные подходящие тексты из Св. Писания, за столом садится всегда на первом месте, между духовенством, о рае и аде толкует, и так положительно, как будто она там была. Чисто — замоскворецкая купчиха, перед свадьбой своей дочери, призывает Ольгу Макарьевну, и дает ей десять руб-

лей, прося ее помолиться: «у меня Ольга Макарьевна, дело идет с женихом: завтра Дунюшку будет жених смотреть, — помолися матушка!» — «Помолюсь,» отвечает мать Ольга, помолюсь; всю ночь буду на молитве стоять. Коли хороший человек — так будет дело, а коли не хороший так не будет.» На девешниках она благословляет сундуки, куда будут класть приданое, и кладет туда кусочек хлеба с солью, или крендельки, в каждой угол по одному, а также, серебряные пяточки. При отпуске невесты она собственноручно подвязывает ей *известный карман* с разным снадобьем, собираемым по различным рецептам. Один из славных рецептов, так называемый *мячкинский*, по имени, знаменитой лекарки *Мячкинской*, собиравшей его в свое время. По этому рецепту кладут в карман: четверговую соль, богоявленскую свечку, свечку от Гурия, Самона и Авивы, корень петрова креста, деревянную палочку с двенадцатью зарубками, маковую головку, кусочек хлеба, булавку, иголку, розовую шелковинку и какое-то писаное заклинание от порчи. Многие до того в нее веруют, что считают ее способной исцелять болезни. Приезжает одна купчиха навесить другую, которая долго была больна, и говорит ей: «брось ты, матушка, лечиться у лекарей-то, съезди-ка ты с матушкой Ольгой Макарьевной в баню помыться, она тебя потрет, да почитает над тобой, так смотри-ка, и будешь на другой день встрепанная. Вот Афимью Ивановну лечили-лечили, а толку ничего не было, а как съездила с матушкой, да потеряла она ее руками, так смотри как оздоровела.» Особенно вдовы и молодые жены, вдовицы и молодые мужья очень любят посещать ее квартиру, и говорят, что очень приятно слушать ее поучение, что столько у ней образов, и столько у ней бывает разных странников — и странниц!... Круг действий матери Ольги не ограничивается одной Москвой, она посещает и Нижегородскую ярманку, и Ростовскую, и Полтавскую. Живет она подчас весело, вечерком любит кататься на извозчике-лихаче и выбирает для этого, который помоложе и подюжее. Несколько лет тому назад, она держала при себе девушку. Одним она выдавала ее за дочь, а другим за воспитанницу, т. е. тем за дочь, которые

знали ее за вдовицу, а тем за воспитанницу, которые считали ее голубицей. Девушку эту она выдала замуж в Петербург и дала за ней тысяч на шесть серебром. И теперь, когда мать Ольга отъезжает в Петербург, она шапочку меняет на чепчик, шушун на салоп, живет в Петербурге припеваючи, и когда порастрясет свои капиталы, возвращается в Москву, снова облекается в шушун и шапочку и отправляется на подвиг спасения замоскворецких купчих. —

МАНДРЫГА.

Уже несколько лет живет в Москве какой-то испанец, человек неизвестно какой религии, называется он Мандри, или, как его обыкновенно зовут, *Мандрыга*. Он занимается предсказаниями, угадыванием воров, говорит назидательные поучения, и успел уже нажить себе хорошенький домик. За Донским Монастырем, стоит в поле этот странный, одинокий домик, где живет Мандрыга. У ворот стоят экипажи, а в комнатах сидят дамы и дожидаются, когда выйдет гадатель. Комната украшена образами, пред которыми на столике лежит священная книга, чуть ли не Евангелие, и здесь в известные дни происходит молебствие. Николай Иванович Мандрыга служит и читает, как священник; все допускаемые к этому, обыкновенно исключительные личности, очень близкие к хозяину, умиленно слушают чтения, и молятся. Комната сияет в образах, горят свечи, как в церкви, Николай Иванович кадит.... Он на вид сухощав, невеликого роста, с бледным лицом, черноглазый, черноволосый, какими бывают очень часто итальянские фокусники. Многие барыни совершенно им очарованы, они жертвы его, и он делает из них, что хочет.

НИКОЛАША ДУРАЧОК.

Мало известна нам история этого несчастного. Отец его, мужичок, был отдан под красную шапку. Он имел жену, которая, без сомнения, слыла солдаткой, и вот родился у них сын. Сидя двое, отец и мать, думали, как бы им назвать сына, и решились назвать его Николашей. И отец, услышавший первый крик своего ребенка, и эта мать, которая кормила его своею грудью, знали ли они, что их Николашу сделают дурачком, что он будет потехой честному люду? Иль, может быть, на Николаше отозвалась горькая участь, беременной им матери, когда его отца отдавали в рекруты, а мать, как безумная, билась на улице.... Но какие бы то обстоятельства ни сделали солдатского сына дурачком — это были злые обстоятельства, они сделали свое дело: с нас и этого довольно. Дурачка Николашу приютила некая богадельня, слывающая под именем Екатерининской и Матросской, известная в истории соседством Ивана Яковлевича, жившего тут же возле, в так называемом *безумном доме*, хотя самый дом сколько нам известно, совсем не безумный, только битком набит безумными. Но матросская богадельня, совершенно напротив, набита очень умными людьми, которые не только приютили Николашу, но еще дают ему все средства бегать по улицам и юродствовать, сколько ему угодно. Поистине богоугодное заведение! По милости его Николаша служит потехой всей этой обширной стороны, которая известна под именем Преображенского и Покровского. И, подумаешь, как это не стыдно живущему там купечеству взвалить все свои наслаждения, удовольствия и потехи на одного только Николашу! Известно, что в этой дальней, глухой и темной, хотя и очень промышленной стороне нет ни театров, ни балаганов, ни разных других удовольствий, которыми, по выражению одной книги, дьявол пробавляет людей в центре города, и на всю эту сторону, теперь, после Ивана Яковлевича только и остается одно удовольствие — один Николаша-юродивый!..

Да туда б надо согнать с целого мира тысячи юродивых, чтоб они на всех распутиях, рынках и площадях — вереницами б и толпами, словно черти перед заутреней, плясали б, скакали, выли и стонали, а благодетельное купечество, глядя на них, надрывало б свои животики.... Но Николаша один, и его просто заездили. На рынках знают его все от мала до велика, все от последнего замаранного и забитого мальчишки с фабрики до любого его степенства на паре жирных рысаков. Полунагой мальчик, посланный по делу, как ни дрожит от холоду, а непременно остановится и подразнит Николашу, и в то же время его степенство, воротившись от ранней, и распивая чаек с супружницей, непременно расскажет, как нынче в церкви его разутешил Николаша. Но кто лучше всех, так это торговцы на Преображенской рынке. Они выучили Николашу петь отвратительные песни, и, нарядив его в шутовской костюм, например лакеем, заставляют его петь, хохочут над ним, дразнят его словно собаку. А то заставят его чихнуть раз пять-десять, зевнуть раз сто, — он зевает и чихает до пота, до изнеможения, а они-то несчастные, хохочут, хохочут, а после подадут ему копеечку. Таким образом Николаша знаменит не столько по своему дурачеству, сколько по дурачеству окружающих его существ, тоже называемых людьми. Сам он лично — очень простое, доброе и слабое существо, великий охотник до репы и, к несчастью, или может быть, к счастью — до вина, питью которого научили его те же рыночные благодетели.

МАТЮША.

Матюша тоже из крестьян, да еще из господских. И, странное дело, наши барыни так любят и почитают юродивых и дурачков, а, между тем, ни одного из них нет, который вышел бы из господ, — все-то из мужичков, как будто они для этого только рождаются..... Он лет сорока, невысок ростом, русский, с небольшой бородкой. С тех пор, как он вышел на общественную деятельность, на общественное служение, он был нищим в городских рядах, и для удовольствия именитого купечества кувыркался и дурачился за копеечку серебром. Иль уж ему наскучила эта наука, и захотелось отдохнуть, или же просто вышел случай, только он поступил в монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитростное пронесение в монастырь водки. Снова он явился в Москве, но уж в ином виде, преображенный, — в послушническом платье, и снова стал ходить по купцам и поздравлять, кого с праздником, кого с ангелом, да собирать на скиты и монастыри и все собранное проживать в переулках на Самотеке. Особенно он сделался известен со времени своего участия в знаменитом киевском походе, совершенном три года назад *матушкой Матреной Макарьевной*. Собравшись в Киев, Матрена Макарьевна набрала с собой для пущего подвижничества целую толпу различных юродивых, странников и странниц, богаделенок и приживалок, человек до ста, и с этой ватагой начала свое шествие. Увлекая за собой по дороге все сподручное, Матрена Макарьевна привела в Киев уж человек с триста. Зрелище шествия этой оравы было необыкновенно, это была какая-то оживотворенная картина из тысячи одной ночи. Должно заметить, что все это сонмище продовольствовалось на счет Матрены Макарьевны, но кроме того, всякий имел собственные у себя деньги, да еще по дороге собирали подаяния, а потому, можете представить, какая всем была раздольная жизнь. Растянувшись по дороге длинной вереницей самых разнообразных личностей, шедших попарно и

кучками, под вечер вся эта орда стягивалась где-нибудь у леса, и раскладывала стан, чисто цыганский. Чего только тут не было! И брань, и драка, и слезы, и лобзания, и песни разгульные, стихи умильные, словом, тут все было. Чем свет орда уж подымалась с ночлега и продолжала свое шествие. Когда же это страшное и дикое сонмище, вооруженное клюками и палками, вступало в города, то власти спешили выслать к нему стражу, кроткую и вежливую, только бы по добру по здорову спровадить сонмище из городских пределов. Здесь был и Матюша. Будь он не из крестьян, будь не простой юродивый а пройдоха, он пошел бы далеко; но ему не удалось еще окончательно изуродовать свою душу, окончательно оподлеть, и теперь, не пользуясь никакой особенной известностью, он снова нищенствует, и единственное наслаждение его осушить, при случае, часика в два большой, что называется купеческий, самовар, чашек в шестьдесят.

ЕВДОКИЯ ТАМБОВСКАЯ.

Женщина лет пятидесяти, в черном коленкорovém платье, повязанная черным платком, сухая, бледная и вечно босая. Ее всегда вы можете видеть в Рогожской, в Таганке, в Покровском, — в этих парниках, где произрастает всякое юродство и ханжество, в этой яме где скопляются всякий сор и нечистота. Она останавливает на улице всякого проходящего и просит у него: «миленький братец, или миленькая сестрица, благословите на копеечку!» И если дадут ей желанную копеечку, то она начнет крестить миленького братца или миленькую сестрицу, а если не дали, то она страшает их адом и геенскими муками, вот все и дают, и дают.... Когда пригласить ее в дом, она войдет и сядет на пол и начнет разводить рассказы о разных явлениях и видениях, еще бывающих на свете, а потом попросит и водочки. И если при этом спросят ее, да разве тебе, матушка, можно пить водку-то? то она отвечает: «водку-то? а водку можно, поелику мы люди такие, что водку просим, а воду пьем, воды просим — водку пьем!» Позабавясь таким образом долгое время над матушкой Москвой, матушка Евдокия отправилась недавно в другие города и веси, чтоб и там прославить свое имя.

КСЕНОФОНТ ПЕХОРСКИЙ.

Ксенофонт Пехорский — некий плод юродственной пропаганды славного Ивана Степаныча Пехорского (с р. Пахры). Он был крестьянин, жил работником на постоялом дворе, и, соблазненный примером Ивана Степаныча, променял труды, хотя тяжелые и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добывание денег юродством. Сметливый мужик, он понял, как и чем можно действовать на людей. Здоровый человек лет тридцати, он вдруг представился болящим, постыщимся, стал ходить босиком с большою палкой в руках, с непокрытою головою, и начал говорить темные речи, вполне уверенный, что на его век станет дураков, которых бы он руководствовал на пути к спасению. Из деревни он пришел в Москву, а тогда в Москве было холерное время, в которое чернь особенно падка на таких фокусников. И начал он лжеюродствовать. Водки не пил, по ночам читал книги, и в речи свои вставлял тексты из писания, чаю пил мало, да и то не иначе, как с деревянным маслицем от лампадки, смотрел вниз, вздыхал и с горничными не заигрывал, как обычно делают это все лжеюродивые, одним словом, выдержал себя, как следует быть смиренному человеку. Раза три в год он ходил на богомолье, собрав предварительно деньги на вспоможение скитам и монастырям; но так как у него, по случаю, карманы были очень длинны, то и неудивительно, что набранные деньги и оставались там навсегда.... Промыкав такую жизнь года с три, и видя, что холера прошла, и доходов становится все меньше и меньше, отец Ксенофонт решил раз пересчитать свою казну, нашел в ней тыщонку-другую, и подумав маленько, в одно прекрасное утро скинул с себя послушническое платье, и оделся опять мужиком. Теперь он прасол, женился и поживает припеваючи, рассказывая, под веселую руку, о своих похождениях между московскими купчихами и барынями, величая каждую по имени, отечеству и прозванию.

ФЕОДОСИЙ.

Он из крестьян Дмитровского уезда, Московской губернии; проживал прежде на Девичьем поле, на фабрике купцов Ганешиных, а потом, найдя, что юродство очень выгодно, принялся юродствовать и теперь пребывает в Хамовниках. Хамовники в последнее время сделались приютом для всевозможных ханжей, зане там живет некий купец, главный их покровитель. Феодосий ходит босиком, носит железные вериги и пророчествует. Это здоровый мужик лет сорока, с окладистой бородой, плешивый. На родине у него есть семейство, и дочь его, молодая девушка, время от времени приходит к нему, и отбирает у него деньги, собираемые ей на приданое.

ПЕТР УСТЮЖСКИЙ.

Человек небольшого роста, лет 38-ти, с русой бородкой, по плечам длинные волосы. Он в послушническом полукафтани, подпоясан ремнем. Его можно встретить на московских улицах, по которым он всегда ходит вприпрыжку, отчего среди ханжей он и известен под именем бегунка. Проживает он у известного купца, любителя всяких пророков и пророчиц. Петруша особенно любит хорошие соты, сдобные, сладкие пироги, цветочный чай, моченые яблоки, варенье всех сортов, зернистую икру, блины, яичницу и молодых горничных, которых называет вербочками, малиновками, пеночками, кинареечками, лапушками. В доме, куда ходит Петруша, если есть горничная то она носит одно из помянутых названий и верующие ставят ему это в

юродство. Одна из особенностей его та, что он может зараз есть целый арбуз, как бы он ни был велик. При виде подобного арбуза он начинает кричать: «искушение, искушение! великое искушение!» И затем берет арбуз в коленки, а ножик в руки, и работает до тех пор, пока от арбуза останутся одни корочки. То же бывает и при виде бурака с зернистой икрой. «Искушение, кричит он, искушение! Душа требует, душа желает» и берет бурак в коленки и ест икру до тех пор, пока ее не останется ни зернышка.

ОТЕЦ ГАВРИИЛ АФОНСКИЙ.

Лет двадцать тому назад появился в Москве сей отец Гавриил и произвел великий шум между московскими ханжами. Все с наслаждением упивались слушанием его рассказов об Афоне и раскупали по дорогой цене принесенные им откуда-то разные безделушки. Родом он из Молдаван, хоть он сам говорит, что он из Албанцев и перешел в православную веру вследствие бывшего с ним чуда, но это не больше, как сказка. Пожив в Москве с год и набрав не одну тысячу рублей, он к великому огорчению почитательниц возымел желание снова отправиться на Афон. Стали его уговаривать всеми силами, чтоб он остался в Москве; но он отказывался, говоря, что уставы московских монастырей слишком слабы для подвижников, что он дал обещание жить на Афоне, и т. под. но, поломавшись довольно, он решил остаться и поселился в одном из приютов около Москвы, где ему выстроили келью за оградой, как он этого сам пожелал *ради уединения*. Пожив немного в своей келье и вероятно соскучившись, он опять явился в Москве к неописанной радости его почитателей. Он им рассказывал, что ему там не давали покоя разные демонские

искушения. Демоны в разных видах не оставляли его ни днем, ни ночью. Днем он все видел около своей кельи молодых крестьянок, собирающих будто бы ягоды, и они то манили его к себе, то водили в его глазах хороводы, то пели песни. По ночам же к нему являлись разные чудовища; то слышался вой волков, то будто бы разбойники пришли его убить и топорами стучатся в его двери, то появлялись молодые нагие красавицы и обнимали его. Отец Гавриил видел будто бы в этих явлениях перст, указывающий ему возвратиться на Афон. Снова пожалели о нем его доброхоты, снова собрали ему на путь большую сумму денег, распрощались с ним и проводили; но не прошло и года, как он опять появился в Москве. Он рассказывал новую басню о том, как был застигнут болезнью в городе Одессе, проболел полгода, и потом два раза собирался на Афон, и два раза заболел, и что в этом он также видит особый перст, указующий ему жить в Москве. Этот чудесный случай усугубил еще больше уважение к отцу Гавриилу, как будто видимо ознаменованному благодатью, и один из его поклонников, богатый купец из-за Москворечья, устроил ему в саду у себя келью. И отец Гавриил, поселившись на весях замоскворецких, к великой радости его почитателей, стал поживать; но не прошло и года, как маска с него спала и все его узнали.

Дело в том, что он начал мешаться во все семейные дела. У купца, где он жил, была большая семья, и дошло до того, что, по милости нового жильца, им пришлось хоть разъехаться. Стали думать, отчего, бы это доселе жили все мирно, а теперь явилась такая неурядица, думали, думали и догадались, что все это по милости отца Гавриила, и вот выгнали его из дому, и все пришло в старый порядок. После этой истории слава афонца немного упала, и он ушел в один скит близ Москвы, но, пожив в скиту с год, он и там не мог ужиться и опять появился в Москве, опять стал собираться на Афон, стал опять собирать на окончательное возвращение, и, собрав опять значительную сумму, все-таки остался в Москве, объявляя, что собранных им денег мало, потому что на Афоне даром не принимают и требуют вели-

ких вкладов. И вот он остался и снова зажил в Москве, весело и жирно. Зная, где и когда он будет, его ждут, выйдут встречать за ворота. Введя его в дом, сажают на первое место, угощают стерляжьей ухой, до которой он великий охотник, кланяются ему в ноги, целуют ему руки и приказывают прислуге делать то же самое. Лакей из дворовых людей, живший у купца, никак не решался целовать руки у ханжи и кланяться ему в ноги, и за это был разочтен, как безбожник, и изгнан. Хотели даже высечь его за это в части, но только полиция, при всем уважении к купцу, не нашла для этого достаточных оснований. Для выездов по монастырям отцу Гавриилу всегда был готов экипаж. Ему были открыты у всех и сердце, и душа, и кошелек, и жил он, как говорится, припеваючи. Но в последнее время слава сего отца значительно упала и имя его из передовых ханжей отошло на задний план. Живет он и теперь еще в Москве у одного ханжи-купца, который раз уж заплатил за рубль тридцать копеек, но по-прежнему продолжает содержать у себя не один десяток пустосвятов для спасения своей души. Ходит он по кремлю и по московским монастырям, по старой памяти заходит к своим старым знакомым с книжками и просвирками. Это худощавый старик среднего роста с небольшой седой бородой. Ему лет под 60, и он известен теперь уж не под именем отца Гавриила Афонского, а просто *Гаврила Федоровича*.

МАША БУСИНСКАЯ.

ПЕЩЕРОКОПАТЕЛЬНИЦА.

Лет тридцать пять тому назад, в одном из московских женских монастырей, у одной из матушек, пригашивала крестьянская девочка, лет пятнадцати, сирота, по имени Марья, матушке она приходилась дальней родственницей. Это была хорошенькая девочка, с светлыми глазками, веселая, незастенчивая. Прошло несколько времени, и пронесся слух, что в 12 верстах от Москвы, в селе Бусине, появилась какая-то неизвестная девица, которая роет там пещеру. Говорили, что роет она по ночам и в это время все кругом нее освещается необыкновенным светом, а роет она по особенному, бывшему ей гласу, что она должна тут вырыть икону. Москва, услышав про явление в селе Бусине, бросилась туда сломя голову. Дворянки, купчихи, мешчанки, чиновницы, старухи и молодые, богатые и бедные, все шли и ехали в село Бусино увидеть молодую труженицу. Пещера, где она жила, была ничто иное как огромная, глубокая яма, на стене висела икона, с горевшей пред ней лампадой, на полу лежала ветхая одежда труженицы, и она сама, с заступом в руках, босиком, в одной рубашке и с распущенными волосами, распевала звонким голосом духовные песни. Это была наша Маша, доведенная до этого состояния своими родственниками, видевшими в ней средство наживы. Приходившие к ней предлагали ей разные вопросы, но она на них почти не отвечала, — опускали ей в яму сдобные пироги, калачи, сайки и деньги, а взамен этого брали из ямы песочек и щепочки, выкапываемые будто бы Машею. Для крестьян села Бусина это просто было счастьем, упавшим с неба, потому что от нахлынувшей массы богомольцев они получали большие выгоды. Многие приходили с вечера и останавливались у крестьян ночевать за очень высокую цену, и кроме того платили деньги за молоко, за самовары. А впоследствии времени поставлена была кружка для сбора

в пользу труженицы; доход был хороший, и промышленники-родственники делились им с кем нужно. Около ямы стали появляться больные, приходившие за получением исцеления, слепые, хромые и порченые, выкликавшие на разные голоса. Нищие и сборщики и сборщицы на разные вещи промышляли здесь вместе с другими. Слава о Маше Бусинской разносилась быстро, и село Бусино очень скоро прославилось и стало любимым праздничным гуляньем Москвичей. Толпами валил туда народ посмотреть на хорошенькую копательницу. Молодые купчики и офицерство, на лихих извозчиках, с кулечками винца, отправлялись туда на целую ночь, и село, доселе свежее и чистое, заметно стало развращаться. Так как лето приходило к концу, а ожидаемая икона не выкапывалась, то и начали делать приготовления, чтобы пещера на зиму была теплая, и чтоб устроить туда правильный ход, а над пещерой устроить часовню, словом, все как следует. Но среди этих распоряжений, в одну ночь нагрянуло земское начальство, и все должно было прекратиться. Машу взяли и отвезли в Москву, где на допросе она показала, что была научена, и сказала, кем именно, что никакого гласа она никогда не слыживала, что ей очень наскучило сидеть в яме и она хотела оттуда бежать, а обещанных денег ей никогда не давали и пользовались ими только те, которые ее научили. Кончилось тем, что Маша отдана была на покаяние в один из женских монастырей, а лица, учившие ее юродству, успели как-то отделаться от всякого суда и следствия. После покаяния Маша жила в селе Свиблове, на суконной фабрике Кожевникова, в суконщицах, и какая была дальнейшая судьба этой девочки, нам неизвестно. Осталась ли она честной крестьянкой, вышла ли замуж и была доброй матерью, или, развившись среди ханжества и обмана, сама сделалась ханжой или странницей. — Где ты теперь?

ОТЕЦ АНДРЕЙ.

Под именем *отца Андрея* известен в Москве некий петербургский уроженец. Учился он, по его собственным рассказам, в С.-Петербургской Академии, но был оттуда уволен до окончания учения; потом жил по разным монастырям, в том числе и в московских, за разные проделки попался под следствие и содержался в остроге. Пройдя таким образом, как говорится, огонь и воду и медные трубы, он принялся юродствовать. Прежде он все ходил босиком и в белой шляпе; а, разживясь немного, он завел себе разные костюмы для разных случаев. В дом богатой купчихи и на храмовые праздники он является в одежде послушника, подпоясан ремнем, на голове скуфейка, в дом богатой барыни он приходит в сюртуке и шляпе и даже с лорнеткой, а на гуляньях он бывает одет купцом или крестьянином. Отцу Андрею лет около сорока, он хорошо сложен, у него правильные черты лица, не очень длинные, но вьющиеся светло-русые волосы, и красивая окладистая борода. Хотя обращение и все манеры его грубы и угловаты, но он умеет говорить по-французски, да еще таким мягким и вкрадчивым голосом, что так и влезет тебе в душу, а потом и в карман. Придя в общество ханжей, старух и старых девок, он начинает толковать о смерти и аде, о своих великих согрешениях и называет себя великим грешником. Идя же в дом еще более благочестивый он надевает на себя вериги, зная, что его оставят там ночевать, и устроит так искусно что непременно кто-нибудь увидит его вериги. Приготовят ему мягкую и чистую постель, но он никак не ляжет на нее, а ляжет на голом полу. «Поспишь здесь на жестком,» говорит он, «на том свете уснешь на мягком.» На этом же основании он прикидывается великим постником и в доме ханжей съедает только два грибка да соленький огурчик. Явившись в дом богатой барыни-ханжи, рассказывает, что он дворянин, знатной фамилии, что он до сих пор еще ведет переписку с знатными лицами духовными и светс-

кими, — рассказывает, что он оставил родительский дом и отказался от имени *Бога ради*, с малолетства возымеv желание спасти свою душу, и при этом очень искусно проводит мысль, что он не случайный какой-нибудь, а добровольный, ради Христа нищенствующий великий подвижник. Но когда ему случится попасть в круг молодых купчиков и приказчиков, то картина переменяется. Тут отец Андрей делается душою компании, рассказывает уж не обрае и аде, но о разных своих похождениях, и рассказы его, один другого скандальнее, текут непрерывно и неистощимо, возбуждая в слушателях смех, хохот и рукоплесканья. Подадут водочки, он выпьет и споет разухабистую песенку, а если есть гитара, то давай и гитару, и вся честная компания гуляет: шум, крик, песни, пляска. Один *благочестивый* купец, зайдя раз нечаянно к своим прикащикам, застал там столь почитаемого им отца Андрея среди полного разгула, да еще в пятницу, а прикащики еще нарочно поставили перед ним тарелку с колбасой.

— Что ты это делаешь, отец Андрей? вопрошает изумленный почитатель юродивого пройдохи.

Отец Андрей, несколько не сконфузясь, отвечает:

— А разве ты не читал в Прологе, что угодники Божии также ели колбасу?

В другой раз одна барыня застала его с своей горничной в очень интимном положении.

— Что ж батюшка, озорничаешь? сказала она, всплеснув руками.

— «Нет, матушка Матрена Ивановна,» отвечал пройдоха, «не озорничаю, а искушаю....»

Его часто можно было видеть на тверском бульваре, в Александровском саду, и особенно под вечер. В числе посещаемых им домов известен один, принадлежащий некоторой девице принимающей у себя всевозможных ханжей, старцев и стариц, богомольцев и богомолков и пр. и пр. Но где истинно веруют в отца Андрея, где пред ним какой-то волшебной силой отворяются все двери, куда бы они ни вели, даже в спальню, — где отец Андрей блаженствует, доставляя настоящее блаженство другим, — это в Замоск-

воречьи. Он очень любит толковать про Палестину, и старается всегда узнать, кто что думает, и вот таким образом, потолковав немного, он так хитро обернет дело, что, не прося ничего, получает щедрую подачу. Для него ничего не жалко: «Батюшка, отец Андрей, только бери!»

ИВАН СТЕПАНЫЧ.

Иван Степаныч, мужик лет пятидесяти, плешивый, с бородой, одет наподобие монастырского служки, говорит сладко и красноречиво. Он из крестьян, был прежде извощиком-лихачом и стоял у Ермолая на Садовой, что возле Козиhi, — на самом, то есть, распрекрасном месте. По случаю какого-то происшествия, он оставил извозничество, и отправился странствовать, потом явился опять в Москве, но уже юродивым, ходил босиком, пророчествовал и привлек к себе много почитателей. Тут поймала его полиция, и, разыскав, признала его за бродягу, и он был посажен в острог. Выйдя из острога, он уже стал ходить в сапогах, юродство уже оставил, и стал являться в разные дома, как наставник в благочестии, успел в скором времени собрать много денег, а еще больше благодетелей и почитателей, и основал на реке Пахре какой-то приют.

Особенным расположением пользуется он в Замоскворечьи и на Самотеке, преимущественно у богатых купцов и купчих, которые считают его посещение за благодать. Придет Иван Степаныч невесел, и все знают уж, что быть беде. Захворай кто-нибудь после его посещения хоть через месяц: »Ну, вот,» говорят, «Иван-то Степаныч был невесел, «вот и захворала Акулина Михайловна!» Умри кто-нибудь

через полгода: «Вот, скажут, Иван Степаныч-то все хмурился, — вот оно к чему!»

Он очень любит читать людям поучения, я очень недоволен современною жизнью, что люди мало подают от своих богатств, на что, впрочем, ему жаловаться нельзя. У него на каждом шагу такие благодетели, которые валят в него тысячами, и сами не понимают цели своей необыкновенной щедрости. Тут нет даже и ложного понятия о благочестии, нет и обольстительной мысли о самоспасении посредством денег, тут одно крайнее тупоумие: Иван Степаныч блаженный — ну так и валя ему деньги! Купец бьет своего *мальчика* за лишний съеденный им кусок хлеба, мальчик этот в лавке мерзнет, не имея калош, а часто и шубы, мальчик этот с трудом выпросит у хозяина гривну, чтоб сходить в баню, мальчик этот и в воскресенье целый день на работе да на побегушках и, сохрани Боже, если он вздумает пойти в воскресную школу — забьют! — Между тем приди Иван Степаныч, и этот же несчастный мальчик бежит, по приказу хозяина и за мягкими калачами, и за красным дорогим винцом, и за икрой. Большая часть тысяч, которые купцы наживают, обмеривая и обвешивая по эту сторону реки, на той стороне, в Замоскворечьи, идет на Ивана Степаныча, на ханжей, и на подобные дела благочестия.

Вот живут в Москве две богатейшие купчихи, мать-вдова тратит ежегодно по несколько тысяч на старцев и стариц, не отстает от нее и дочка, которая, кроме того, платит ежегодно по 5000 р. сер. французскому парикмахеру за уборку головы каждый день, а спросите у них, дали ли они что-нибудь для воскресных школ? Были ли они хоть в одной такой школе? — ничего, никогда! Только и слышишь от них, что жалобы на полицию, отчего она не ловит воров, отчего везде страшное воровство и т. п. Да помилуйте, что может сделать самая лучшая полиция, когда вы, вы все, составляющие общество, только и делаете, что воспитываете воров. Вот ряды глухих бедных переулков, где толпы детей, оборванных и босоногих, воспитываются тем только, что дает им улица, где они бегают с утра до ночи. Вот *Но-*

жевая линия, где возле каждой лавки толчется два или три мальчика, все учение которых состоит в неистовом зазывании в лавку, да в присматривании, как хозяин обмеривает, как запрашивает в три-дорого. Вот, наконец, в Москве вырастают толпы извозчиков, которые обыкновенно начинают свое ремесло мальчиками лет 9 и 10-ти. Ну скажите, что ж вы сделали для этих бедных? Ничего ровно ничего! Ну, так и не жалуйтесь на воров, и молчите.

Но возвратимся к Ивану Степанычу. Есть у него свой скотный двор, и из своего скотного двора он посылает своим благодетелям разные дары: кур, телят, яйца, творог, сметану, и такой благодетель, получив, например, горшок сметаны, сначала отдаривает за нее золотом, а потом с благоговением кушает эту сметану с жирными щами со свиной, и поглаживая брюшко, строго наказывает оборванной и грязной кухарке, чтоб она хорошенько покрывала эту сметану, да как можно бы берегла ее: «она ведь от Ивана Степаныча!»

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА БОСОНОЖКА,

и

ФИЛИППУШКА.

В сороковых годах на московских улицах появилась молодая девица, лет двадцати, недурная собой, стройная; распущенные ее волосы были покрыты черным платком, а ноги босы. В это же время бегал в Москве известный Филиппушка, с огромной палкой, на которой сидел литой медный голубь, самая же палка была весом около пуда; в другой руке у него был колокольчик, и он в него звонил. — Одежда у него была полумонашеская. За Филиппушкой постоянно бегала толпа женщин и мальчишек, первым он говорил разные непонятные речи, а вторым кидал деньги и пряники, и всех поздравлял с ангелом. Прибежит он, бывало, на площадь к Спасским воротам, раздастся звон колокольчика, и выбегают толпы рядских торговцев, окружают Филиппушку и внимают его вещим речам. Прибежит он в трактир, и появление его приведет всех в ужас, и никто не знает, что сказать ему, что делать. Теперь уж он не бегаёт по Москве, хотя часто бывает в ней; живет он теперь в одной из московских пустынь и палка у него тяжелая, как прежде, но уж без голубя. Единовременное появление этих двух юродивых нарушило безмятежную жизнь Москвы; Замоскворечье, Рогожская и другие богатые слободы встрепенулись, и пошли везде толки, что быть чему-то недоброму. Только и говорили везде, что о двух новоявленных юродивых.

— Видели ли вы, матушка, Филиппушку? спрашивает одна купчиха другую.

— Нет, матушка, не видала еще.

— Да не грех ли это вам?

— Да где ж его увидеть-то, матушка?

— Как где? Захочете — так увидите. Я три дня за ним ездила, и только на третий день привел Бог найти его в Новой Слободе.

Одни говорили, что быть голоду в Москве, другие, что придет холера, третьи ждали комету, от которой должна была провалиться земля. А дряхлые старушки, помнившие еще чуму говорили, что будет непременно чума, потому что и перед первой чумой являлись разные предзнаменования. Толковали везде: на рынках, в трактирах и банях. Московские вестовщицы сбились с ног, бегая по своим благодетельницам, и передавая собранные сведения о том, где и как живут новоявленные личности, наделавшие столько шума. Филиппушка не имел постоянного дома, живя нынче — здесь, завтра — там; он был из крестьянских детей и занимался прежде извозничеством. Юродивая девушка называлась сначала Татьяной, а потом Татьяной Степановной босоножкой. Она была из купеческого рода, сирота, жила в одном дворянском доме, и получила там порядочное воспитание; было у ней какое-то неудачное любовное дельце, заставившее ее оставить дворянский дом; она ушла, познакомилась с ханжами и принялась юродствовать. Прожила она на Плющихе, в своем доме; с ней вместе жили ее сестры. Принимая к себе посетителей, она сначала не брала никаких предлагаемых ей даяний, но потом, понаторев в своем ремесле, сама стала изыскивать для поживы разные средства.

Она сначала все отчитывала порченных и больных, потом распустила слух, что явилась у ней в доме чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее с утра и до ночи. Она продавала свечки, которые усердствующие ставили перед иконой, раздавала за деньги пузырьки с маслом от иконы, и даже поставила кружку для сбора приношений. О себе она говорила всем, что будто ей в сновидениях бывают разные гласы и явления, и посещавшим ее предсказывала будущее. Старухи-ханжи, старые девки и несчастные молодые девушки, которые по советам босоножки отказывались выходить замуж, жили у ней с утра и до ночи, а иные даже оставались ночевать. Эти постоянные собрания у бо-

соножки, недосказанные чудеса от иконы, и разные неблагоприятные сцены, бывавшие тайно по ночам, — все это обратило на себя внимание начальства, и икона была взята в один из московских монастырей, а босоножке приказано было прекратить всякие дневные и ночные сборища. После этого Татьяна Степановна собиралась выйти замуж. Удалось ли это ей, или нет, мы не знаем. Она давно уже утратила свою молодость и поустарела, и теперь занимается сватовством и другими подходящими к этому делами. Постоянными посетительницами ее дома старые девки с оболонками, и никогда не увядаемые вдовицы с моськами. Преобладающий запах в ее комнатах — запах белил, румян и тому подобных снадобий: только отворишь дверь, так и тебя обдаст.

МАРЬЯ ИВАНОВНА СКАЧКОВА,

ЛЕЧИВШАЯ ВОДОЙ.

В тридцатых годах, в одной из московских богаделен, проживала бедная девушка из купеческого рода Скачковых, кинутая своими родными на произвол судьбы, и кроме того обиженная природой: она была хрома, кривобока и едва двигалась. Сорок лет жила в этой тьме Марья Ивановна, и вдруг начала рассказывать другим богаделенкам, что она во сне слышала голос, говоривший ей: «Мария, благословляй воду на исцеление других!» Видение это повторялось несколько раз. И вот однажды приходит в богадельню какой-то мужик и спрашивает Марью Ивановну, объясняя, что ему был сон, в котором он видел, что шел в Москву в такую-то богадельню, спросил такую-то и попросил ее благословить воду для исцеления своей жены. Марья Ивановна исполнила просьбу мужика и благословила воду. Спустя несколько времени после этого приходила в богадельню какая-то барыня и тоже отыскивала Марью Ивановну по сонному видению для благословения воды. Слава о Марье Ивановне росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи, наконец она исцелила одного богатого откупщика и этим приобрела еще большую славу. Откупщик взял ее из богадельни и поместил в мещанской улице в отлично обставленной квартире. Марья Ивановна вдруг произведена была в барыню, чудесную целительницу; взяла она себе в компаньонки одну девушку бедную дворянку, для которой она впоследствии купила тот дом, где теперь жила; у нее был и повар, и карета, и пара лошадей, на которых она разъезжала по монастырям и по знакомству. А знакомство у ней образовалось большое, все это были люди знатные и богатые, все они глубоко веровали в Марью Ивановну, имевшую на них чрезвычайное влияние, и беспрекословно исполняли малейшую ее волю. Отовсюду ей везли и несли, что только захочется ее душеньке, и целый дом наполнен был различными безделушками, — и чего-то ей не дарили! И

табакерки с музыкой, и поющих птичек, и священные книги, и шитые ковры, и дорогие подушки, и всякие лакомства, и чего только у ней не было! Особенно богач-откупщик считал святым делом исполнить всякую ее прихоть. Раз уезжая в Петербург, он просил у ней благословения и спрашивает, какого бы ей оттуда привезти гостинцу. — Привези мне, говорит Марья Ивановна, орган, который бы играл обедню. Как ни трудно было отыскать такой орган, но откупщик его отыскал, и у ней был орган, который играл обедню. Боготворил ее также один генерал, занимавший очень видное место. Он, бывало придет, соберутся двое-трое важных стариков, ее усердных поклонников, запрягутся все они в колясочку на рессорах и катают Марью Ивановну по саду. Знатные московские барыни и всякие богатые люди считали за честь быть знакомыми с Марьей Ивановной, и каждый день около ее дома стояли десятки экипажей. Одни посещали ее из благоговения, — другие, потому что знакомство с ней считалось в то время такою же модой, как и посещение находившегося тогда на Тверской *Изидина храма*, где также предлагались вопросы о будущем, и невидимый голос давал ответы. На основании того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщина, непохожая на остальных смертных, она обращалась с своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех, без различия звания и пола, она называла одними только именами: Иван, Степан, Ольга, Катерина, Анна и т. под., хотя эти Иваны и Степаны, послушные ей как овечки, считалась в мире самыми сильными людьми. В ее гостиной решались разные общественные и домашние дела; тут восстанавлился мир между мужем и женою, отцом и сыном, и примиренные всегда считали долгом принести виновнице этого какую-нибудь жертву. Через нее получались выгодные места. Всякий, обратившийся к Марье Ивановне и успевший заслужить ее расположение, получал всегда отличное место, потому что стоило сказать ей: «Иван, дай место Петру,» и место давалось беспрекословно. «Или: «Григорий, определи такого-то», и такого-то сейчас определяли. Иногда же Марья Ивановна не обращалась прямо

к Ивану или Григорью, а действовала через посредство барынь. — «Лизавета, говорила она какой-нибудь Графине, помести Андрея.» — «Слушаю-с,» был ответ. И когда нужно было, Марья Ивановна умела настоять на своем.

— Елена, говорила она, определи Михайлу.

— Да это, матушка, не от меня зависит.

— Знаю, что не от тебя, да ты попроси: ты ведь знаешь, кого попросить.

— Слушаю-с.

— Ну так не огорчи же меня.

В ее доме писались и подписывались духовные такими людьми, которым в другом месте и помянуть об этом не смели. Но если Марья Ивановна заговаривала об этом, то они уж молча покорялись, и всякий думал про себя: ну, верно скоро умирать, коли Марья Ивановна велела писать духовную! У ней заключались браки, все новости текущей жизни Москвы и Петербурга ей были известны и слава ее не только не уменьшалась, но еще больше увеличивалась. Ходила она в черном, волосы стригла по-мужски и голову иногда покрывала шапочкой. Собой была худощава, мала ростом, имела пронизательные глаза и резкий голос. При ее выездах, огромные лакеи брали ее на руки и носили в карету и из кареты. Вся сила ее, по преимуществу, состояла в том, что она благословляла воду, получавшую от этого целительное свойство. Но в последние годы, как мы уже отчасти видели, к ней многие ездили не за водой уже, а за другими вещами. Слава о Марье Ивановне достигла северной Пальмиры, и тамошние знакомые московской знати стали подзывать туда Марью Ивановну. Сначала она отказывалась ехать, как будто предчувствуя что-то недоброе, но самолюбие, что она взойдет еще ступенью выше, превозмогло, и она отправилась. В Петербурге была для нее приготовлена роскошная квартира. Выехала она благополучно, но на дороге почувствовала себя больной, в Торжке скончалась и там была погребена с необыкновенным великолепием. Все имение ее досталось бывшей ее компаньонке Катерине. Катерина впоследствии поступила в монастырь и умерла постриженной.

АГАША.

Агаша — это пятидесятилетняя старушка-юродивая, с бледным лицом, в заячьей шубке, в черном платье, и с белым платком на голове. Она, без сомнения, из крестьянок, потому что из барынь никогда не выходили юродивые: барыни только умеют спастись посредством юродивых! Ее приютили прежде в Алексеевском монастыре, но когда его упразднили для построения на месте его храма Спасителю, — она перебралась в Вознесенский монастырь. Сюда-то долгое время собирались к Агаше барыни и купчихи, узнать у ней о будущем, спросить о покраже, словом — отвести себе душу в беседе с существом, которое они считали несравненно высшим себя. Винить ли за это барынь и купчих? Эти барыни и купчихи, во всяком случае, живые люди, — во всяком случае их сердце и душа требуют более возвышенной и духовной пищи, чем забота о модных шляпах или жирной рыбице, — и, что ж прикажете делать, когда вне беседы с юродивыми они не знают ничего, что могло бы нравственно возвысить человека! Для здорового крестьянина такая духовная пища — в песне, старинной отцовской песне, много говорящей неиспорченному сердцу; для ученого — в науке; для молодости — в романтизме надежд и стремлений; для гражданина и гражданки — в высоком служении отчизне, но для московской купчихи или барыни ничего подобного не существует. Весь их идеальный мир нейдет дальше рыбицы, да здоровеннейшего кучера, да толстейшей лошади, и непременно какого-нибудь юродика. И лжеюродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значение, и держат себя, как можно выше и величественнее. Сколько барынь, которые, изгоняемые покойным Юпитером, глаголемым «Иван Яковлевич», бежали от него смиренные, покорные его всемогущему приговору, — бежали, лобызая прах его логовища... Это понимала и Агаша. Бывая в церкви, она нисколько не церемонилась: была как дома, разговаривала громко и, ко-

гда нужно, смеялась. Ходя по церкви и ставя свечи перед иконами (все обыкновенно ей давали ставить свечки) она подходила к той, или другой иконе и говорила «это тебе, Иванушка!» «Это тебе, Николаша, — одна от меня, а другая от рабы божьей Дарьи.» А раба божья Дарья слышит и начинает усиленно кланяться и молиться. Агаша умерла. Прости, страдальца, что потревожили мы убогую могилку, где твое крестьянское Горе-Злосчастье успокоилось наконец от всевозможного юродства!

МАРФА ГЕРАСИМОВНА.

Марфа Герасимовна — тоже из крестьянок, как будто специально созданных для юродства. Прозывалась она *Хотьковской*, и была *затворницей*. В затворе пребывала она лет тридцать и чрезвычайно редко, в несколько лет раз, решалась выходить на божий свет. Каждый выход ее из затвора принимался за предзнаменование какого-нибудь великого несчастья, возбуждал говор, наводил на всех ужас, и начинали являться разные видения... «Гляди-ка матушка, говорили, мать Марфа Герасимовна вчера из затвора выходила, — быть беде, быть беде!» Неслось повсюду слово «беда», и вот одна слышала звон на колокольне, в полночь, другая сказала, что идет антихрист, пышет пламя из него и все-то пополяет. В воздухе и на земле чудились страшила. Дети, толпами живущие поблизости, плакали и по вечерам боялись выйти на двор. Даже кошки и коты, не знавшие никаких страхов, и те, встречаясь нечаянно с своими перепуганными хозяйками, сами пугались и бросались в сторону и тем наводили еще пущий страх. Но Мар-

фа Герасимовна снова вошла в затвор, снова начала плесть кружева, высовываться из своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасение, смотря по тому, как ей вздумается. Снова толпы купчих и барынь теснятся у ее окошечка, ожидая ее по часу или по два. Пришли и приехали они к ней попросить благословения на брак дочери и получить знамение — т.е. кружевца. Подойдут к окошечку, благословятся, просунут туда калач или сайку, и деньги, чтоб задобрить и склонить к себе идола, — и скажут: пожалуйста, матушка, кружевца — дочку замуж отдаю! Дала кружево — целуют и прячут; не дала или отказала — это великое несчастье. «Нет, скажет Марфа Герасимовна, не наплела еще», — и это уж наверно значит, что не выйдет судьба ее детищу, — или муж пьяница, или сама умрет пожалуй, и вот идет и плачется несчастная маменька. А кого она удостоит кружевцем, то все начинают расспрашивать, в чем Марфа Герасимовна подходила к окошечку, скоро дала или нет, длинное дало кружево или короткое, широкое или узкое — и, смотря по ответу, делают приличные; гадания. Вот подошла к окошку старушка-мещанка и причитает умильным голосом: «дай ты, матушка Марфа Герасимовна, дай ты, матушка, дитяще-то моему, Насте, благословеньце-то». Сайка сунута, сунут и двугривенный, но Марфе Герасимовне больно надоели, она подошла к решетке, зарычала и ушла, а бедная мещанка столичного города Москвы начинает выть и голосить, что и великая-то она грешница, которой Марфа Герасимовна и кружевца-то не пожаловала, и как ей быть теперь бедной, куда деваться и что построить с детищем... Получаемые от затворницы кружева, матери отдают дочерям вместе с приданым; дочки берегут, чтоб в свою очередь передать в наследство своим деточкам. Деньги же, которые давали Марфе Герасимовне, она все копила, копила, и после смерти нашли у нее целые кучи медных и серебряных монет и бумажек, успевших подвергнуться тлению.

ИВАН СТЕПАНЫЧ,

КИНОВИАРХ И БЛЮСТИТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ
ПЕХОРСКОЙ КИНОВИИ

Иван Степанович, родом с Пахры, из крестьян. Переехав из деревни в Москву, он редко пользуется случаем побывать на родине, и ожить немного в отцовской семье от угара городской цивилизации, а поэтому Москва наложила на него всю тяжелую руку свою. С малолетства он занимался извозничеством, и подобно большей части своих товарищей по ремеслу, очень рано сделался замечательным плутом. Он знал подробно все пути наживы, знал все бани и все заведения. Бойкий мальчик, он лихо катал гуляк, охотников в солдаты, да жуликов; лихо умел подкатить к барышне, подхватить ее и прогулять с ней двадцать рублей где-нибудь на *Волчьей долине*, иль на *Балкане*, иль где-нибудь в захолустье. Сделался он *лихачом* и стоял близ Козихи, у гостиницы «Полтава», но судьба ему не повезла. На постоялом дворе, где он жил, случилась какая-то значительная пропажа, пало подозрение на Ивана Степаныча; он заперся и забожился. Дали ему присягу, он присягу принял, и хоть был оправдан судьями, но уж с тех пор ни один хозяин не брал его в работники. Иван Степаныч стал бродяжничать, года два где-то пропадал, потом вдруг явился в Москве босым, в виде юрода и блаженного, и тут случилась ему неудача. Попался он в полицию, за то, что не имел паспорта, да еще был замечен в каких-то грешках. — Его взяли и посадили в острог. Будь это другой кто-нибудь, — ему не спастись бы *от владимирки*, но Иван Степаныч, опираясь уже на свою юродственную знаменитость, вздумал обратиться к Ивану Яковлевичу. Иван Яковлевич пишет о нем одному влиятельному лицу, влиятельное лицо хлопочет об освобождении Ивана Степаныча, и его освобождают, обязав подпиской не бродить. Выпущенный на волю он идет к Ивану Яковлевичу благодарит его и просит у

него благословения на основание молитвенного дома на Пахре. Иван Яковлевич благословляет его, и приказывает всем московским ханжам, чтоб шли они на жительство с Иваном Степанычем. Начинают собираться к нему вдовы-купчихи, странницы и все, засидевшиеся в девках, и приносят с собою большие деньги. Купечество, лишь узнало об этом, жертвует Ивану Степанычу капиталы. Вдовы купцы, ездят к нему на богомолье, и проживают у него дня по два по три. Никто не уезжает без вклада. Один жертвует деньгами по 3000 в год, другой дарит сестриц миткалем и ситчиком. Иван Степаныч выстроил обширное здание для сестер, завел скотный двор, и снабжает своих благодетелей творожком и молочком, и молочко от Ивана Степаныча пьют только натошак, как лекарство. Посещая Москву, он является в церквах, и во время служб обличает людей, которые крест кладут не истинно (т. е. по-староверчески), не так как православные, обличает и тех, которые нищим милостыни не подают, а сами курят и нюхают зелие скверное, из утробы блудницы происшедшее. Ходя по купечеству, он собирает пожертвования, строит на Пахре храм, и на освящение его съезжается чуть не вся Москва.

КИРЮША

Кирюша из крестьян Тульской губернии. Первоначальная история его жизни неизвестна, — знаем, что долгое время проживал по разным монастырям и отовсюду изгнанный, как он выражается, за *благочестие*, прибыл в столичный город Москву, в чине наставника и учителя, и, узрев воочию приснопробывающую в сем граде простоту души и доверие, он явился прорицателем судеб и поселился на Зацепе. Это был мужик благообразный с виду, лет сорока, немного сухощавый, бледный, с небольшою светлорусою бороною, блестяшею проседью, — начитанный и красноречивый. На вопросы, отовсюду обращавшиеся к нему, — что он? и кто он? — у него был один ответ, смиренный и кроткий: *аз есмь раб божий Кирюша*. Носил он спереди сумку, и ее никогда не снимал. Действуя себе на уме, он сначала ни к кому не ходил, и его трудно было позвать в гости. — «Батюшка, Кирюшенька, упрасивали его купчихи, зайди чайку откушать.» — «Не пойду, не пойду, отвечал он; рад бы знаете, да святые не велят». Такие темные намеки еще более раздражали любопытство, и понятно, какова была радость, когда одной мушничихе, известной в Замоскворечьи, удалось залучить его к себе. Войдя на двор, он начал креститься, но, дойдя до крыльца, закричал благим матом: «полы не мыты, полы не мыты! псы были, псы были!» и ушел. Купчиха уразумела, что это означало, и рассказывала, что вчера был у дочери ее учитель, и вот батюшка-то угадал, что она пустила в дом бусурмана. Учителя прогнали, вымыли полы, окна и двери, весь дом окропили святой водой, и послали за Кирюшей, пригласив предварительно всех родных и знакомых прийти посмотреть, как Кирюша будет показывать свою святость. Собрались и Марья Климовна и Дарья Ефимовна, и Федосья Ивановна, и Аграфена Тимофеевна. Разговаривая шепотом, они рассказывали о том, какой это великий PROVIDЕЦ Кирюша, охали и ахали, но

вот вбегают в комнату кучер и девка, и кричат: идет! Тихой поступью, склоняя немного голову, как будто думая о чем-то, шел Кирюша. Войдя в квартиру, поклонился на все стороны, потребовал стол и чистую скатерть, велел зажечь восковые свечи, снял сумочку, и, обращаясь к соборным женам, спрашивал их: «мужатицы вы, или вдовицы?» Когда последовал единогласный ответ, что все мужатицы, т. е. замужние, то он спросил еще: «чисты вы, или нет? Коль не чисты, то не приступайте, иначе обличены будете». Последовал робкий ответ, что все чисты, и тогда он приказал всем кланяться до земли, а сам, став на колени перед столом, начал вынимать из сумки разные вещи. «Вот, говорит он, покажу вам прежде воду — тьму Египетскую, что напущена на Фараона, и показывает какую-то скляночку, к которой все прикладываются. А вот, говорит, часть младенца, убитого Иродом, а это камень, взятый Моисеем, при переходе через Чермное море, а это кость из того кита, в котором пребывал пророк Иона, а это копыто Валаамской ослицы, и пр., и пр. Из того, что было здесь показано, многое было продано, и за большие деньги; остальное пораскупили все знакомые мушничихи.

Кирюша вошел в славу. Он отчитывал больных, лечил детей от бессонницы, но, несмотря на все свое благочестие, не мог спастись от сетей лукавого, который хочет уловить всякого блаженного человека. Посещая одну набожную портниху, Кирюша влюбился в ее мастерицу. Денег у него было много, он взял ее от хозяйки и открыл ей магазин; но она, как только выманила у него весь капитал тотчас выгнала его вон, а сама вышла замуж. Репутация Кирюши была потеряна; он стал загуливать, но потом снова поправился и теперь говорят, он один из известных в Москве старьевщиков-кулаков.

НИКАНОР

Отпущенник помещика Викулина, по имени *Никанор*, ловкий малый, жил себе уединенно в Воронеже на Бого-явленской горе. Присмотревшись к толпам отовсюду стекавшихся богомольцев, для поклонения вновь открытым мощам св. Митрофания, и крепко соблазнившись возможностью набрать трудовых чужих грошей, Никанор облакается в черную власяницу, отращив себе бороду и волосы, и превращается таким образом в *отца Никанора*. В этом новом чине он сначала терся около простосердечных пришельцев — мужичков и баб; потом, приискав себе ловких *пидбрихачей*, вдруг скрылся; затем разнесся слух, что Никанор *затворился* и жаждущим прорицает будущее. Для этой новой профессии он придумал следующую приличную обстановку: избрал себе тесную келью, в которой устроил уставленную сверху донизу иконами божницу с неугасимыми лампадами и свечами, а посреди комнаты поставил черный гроб, вмещавший в себе последние атрибуты жизни — покрывало, свечи и ладан. В этой-то светлице — конечно, только лишь в присутствии посторонних, падал он ниц и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцев — удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валил *темный и невидущий* люд в открытую западню с посильными приношениями. Никанор, ничем не стесняясь, *благословлял* посетителей и врал все, что мог. Удавшаяся спекуляция и жажда славы, соединенной с богатыми дарами, довели его вот до чего: в келье, посредством проверченной в потолке дыры, стал слышаться *глас свыше*, отпускающий грехи лежащим на полу в покаянном смирении! бабам. Но, к счастью, *глас* этот, при всей своей мягкости, достиг до слуха полиции, и отец Никанор, изгнанный из затвора, женился на дочери лесного сторожа в даче купца А-на. Дальнейшая судьба этого проказника окончилась ссылкой в Сибирь за какие-то новые деяния.

АНТОНУШКА

Небольшого роста, с редкой седенькой бородкой, в серой свитке, пожилых лет, от природы не имевший рассудка, простой мужик одной из близлежащих к Задонску деревень — *Антонушка* имел постоянное пребывание в этом городе и славился там как юродивый прорицатель и чудотворец. Многие приходили и приезжали к Антонушке в Задонск из других уездов с больными детьми просить исцеления. Так Усманского уезда, села Чамлыка мещанка, Елена Васильевна Солодовникова, у малолетнего сына которой поражены были неизлечимым недугом ноги, ходила с ним в Задонск к Антонушке. Пришедши к нему в комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совета, чем лечить его. Антонушка поплевал на ноги больного, потер их своими слюнями и сказал: — теперь будет здоров. Разумеется, предсказание не исполнилось. Из всех городов Воронежской губернии ни один не находится в таком близком общении с губернским, как Задонск. Жители Воронежа всех сословий, полов и возрастов, часто посещая Задонский монастырь, сведали и об Антонушке. По свойству ли человеческой природы, жаждущей узнать о своей будущей судьбе, или просто вследствие особенного сочувствия в некоторых личностях к пустосвятству, — бессвязным и бессмысленным лаконическим фразам Антонушки, обществу, преимущественно женщин, придало таинственный, духовный смысл пророчества. Антонушка до того пошел в ход, что в Воронеже ощущалась потребность присутствия его на продолжительное время. Одна сметливая ханжа взялась доставлять по временам обществу это псевдо-духовное наслаждение; она дала у себя в доме постоянный приют приезжавшему из Задонска Антонушке, развозила его повсюду, принимала посетителей и, собирая обильную дань во имя Антонушки, поделялась кое-чем с приезжавшими в Воронеж его родными. Худощавый и слабосильный от природы, Антонушка был совершенный ребенок; при пол-

ном отсутствии рассудка, он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уже твердил их несколько раз безостановочно. Вот образчик пророчеств Антонушки, сообщенный одним из членов семейства, в котором совершались следующие факты. В 183... году семейство богатого и уважаемого в городе купца *Н. Н. С-ва* пожелало благодатного присутствия Антонушки, за которым послали экипаж. Молодые члены семейства и особенно сыновья г. *С-ва*, учившиеся в то время в гимназии, желали видеть Антонушку просто из любопытства; но старички и старушки ждали его с полным убеждением в его святости и потому некоторые из них во все время ожидания, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о том, чтобы Он сподобил достойно встретить лжепророка. После этого когда раздался крик: «едет, едет!» все вышли на крыльцо, ссадили желанного гостя с пролеток, как дитя, и с благоговением ввели его под руки в комнату. Антонушка был в старом армяке, в шапке и рукавицах. Посредине комнаты встретила его почтенная старушка, глава семейства; она с подобающею честью протянула к нему сложенные одна на другую руки, приклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тем Антонушка, едва переступив порог, начал повторять: *Чи собаки брешут? Чи собаки брешут?* Просившую благословения старушку, не снимая рукавиц, он слегка ударил по щеке; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась в сторону, потеряла щеку и в утешение себе сказала: *хорошо, что еще не дерется!* Затем посадили Антонушку на переднее место под образа. Члены семейства желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили поодиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей г. *С-ва*, он начал повторять: *паромы плывут... паромы плывут...* Вышла девушка, Антон заговорил: *Чи дивка без котов пришла? Чи дивка без котов пришла?* При появлении другой он сказал: *вари кулешу, вари кулешу.* Купцу *Ш-ну*, родственнику *А-ва*, Антон прорек: *Чи мене на поселенье сошлют? Чи мене на поселенье сошлют?* Антонушку почествовали чем Бог послал

и отвезли восвояси. Вот полный акт его предсказания, приезда, и отъезда, сопровождавшихся толпою народа, собравшегося у ворот С-ва. В другой раз едва привезли Антонушку на двор, он расплакался, как дитя, и не хотел сойти с пролеток; его насильно втащили в комнату, но он вырвался и побежал к воротам, которые оказались затворенными; он бросился в подворотню, но один из сыновей г. С-ва схватил его за ноги и втащил обратно на двор. Начали ублажать Антонушку как ребенка: уговаривали, катали по двору на пролетке, но ничто не помогало: он рвался и плакал. Послали наконец за его опекуншей, которая, покатавшись с ним по двору, взошла в комнату и с таинственным благоговением объявила, что Антонушка не расположен сегодня *говорить*; с тем и увезли его домой. Мы сами, в ранние годы нашей юности, видали его в Задонском монастыре. Как теперь, представляется нам фигура этого старичка с включенными волосами, в сером, низко подпоясанном кафтанишке, с камнями и всякой дрянью за пазухой. Вот он сходит с церковной паперти, его окружает толпа женщин и детей всех сословий и с благоговением целует его грязные руки. Антонушка умер в Задонске и погребен в тамошнем монастыре. Рассказывают, что в день погребения в руках его — неизвестно откуда — явился запечатанный пакет с надписью: *на погребение Антонушки*; в пакете найдено 300 руб. Ловкие люди обратили и этот простой случай в чудо, вероятно для того, чтобы пробавляться кое-чем в память Антонушки.

КИРЮША .

Крестьянин одного из торговых сел Борисоглебского уезда, в полном уме и здоровой памяти, сбросил с головы шапку, разулся, остригся гладко под гребенку, обрил бороду, нарядился в демикутонное черное полукафтанье, опоясался ремнем и в таком виде явился в стогнах города Воронежа. Это был пророк двух губернских городов Воронежа и Тулы — знаменитый *мнимо-блаженный* Кирюша. Остриженный и обритый, он во всякое время года ходил босой, без; шапки, в легком полукафтанье; в правой руке его постоянно имелся жезл с привязанным на конце букетом свежих цветов; палка эта была внутри пустая, наполненная свинцом, что придавало ей особенную тяжесть; букет цветов имел он постоянно свежий, даже и зимою, чем конечно обязан был своим почитателям прекрасного пола. Свежее, румяное лицо Кирюши цвело здоровьем; чтобы искуснее обморочить почтенную публику, он притворился немым, и при появлении в Воронеже более года не говорил ни слова. Но когда, по соображению его, настало время окончательно дурачить суеверов, то он заговорил. Конечно, эта выходка всех поразила: заговорил, так уж неспроста! Кирюша в свою очередь тоже смекнул, чего от него ожидают. Несколько удачно сказанных по известным обстоятельствам фраз доставили Кирюше громкую славу пророка и открыли ему двери богатых домов Воронежа, где он пользовался всевозможными даяниями и разъезжал в богатых экипажах. Преимущественно баловало Кирюшу купечество. Одно время жил он с год в доме почетных граждан А-х; в нижнем этаже ему была отведена особая комната. Зная, что все домашние от прислуги до хозяев жадно следят за каждым его движением, Кирюша вел себя осторожно. Каждый вечер он затворялся в комнате и усердно клал земные поклоны. Любопытные с самого начала вечера смотрели на его занятия в дверную скважину, и блаженный, чтобы отвязаться от докучливого любопытства, поразил

иногда следующим нечаянным возгласом: «знаю, знаю, что вы на меня смотрите!..» Публика, внутренне укоряя себя в грешном любопытстве, крестилась и со страхом расходилась по своим местам. Один только человек в доме А-х не стеснялся пророческими возгласами, прилежней и дольше всех наблюдал за Кирюшей по ночам и не остался от того в накладе. Это был кучер Николай. Вероятно, подсмотрев когда-нибудь попоздней, что Кирюша, после богомолья имел привычку пересчитывать свою выручку, он добрался как-то до нее и потянул весь капитал псевдо-пророка. В одну полночь, когда кучер Николай не находил уже ничего любопытного в надзоре за Кирюшей, последний поднял страшный гвалт в доме; все проснулись и сбежались на крик. Кирюша бесновался и чуть не лез на стену; но о деньгах ни полслова. «Пустите меня вон отсюда!» кричал он неистово: не хочу больше здесь оставаться...» После уже узнали от него же о проделке кучера Николая. Нередко, соскучившись в Воронеже, Кирюша отправлялся в Тулу, где и имел постоянное пребывание в доме богатого купца Д-на; там отводилась ему особая комната, которая и носила название *Кирюшиной*. В Туле он пользовался не меньшей популярностью, как и в Воронеже. В тот год, когда в Туле был большой пожар, Кирюша, перед отходом своим в Воронеж, был в доме известного купца М-ва: посмотревши в окна, он указал на город и проговорил: *скоро скоро будет большая суета... все будет чисто...* Спустя немного времени по уходе Кирюши из Тулы, город сгорел; слава лжепророка утвердилась еще прочнее. Но не одна Тула платила дань суеверного поклонения воронежскому лжепророку: Москва также почтила его в лице богатой княгини N. Приезжая в Воронеж на богомолье, г-жа N познакомилась с пророком и уже не могла с ним расстаться, она увезла его с собою в Москву, отвела ему в своем доме особую комнату, которая постоянно вся была убрана цветами. По воле Кирюши всякая отцветшая плошка тотчас же выносилась садовником вон и заменялась новою, цветущею. Так блаженствовал Кирюша целый год. Наконец совесть заговорила в нем; постыдное ремесло лжепророка надоело ему; и вот он,

превратившись опять в крестьянина, обулся, отпустил волосы и бороду, надел серый армяк и шапку и отправился на родину. Теперь живет он в одном из торговых сел Борисоглебского уезда, где сделал на свой счет иконостас для сельской церкви; имеет свой дом с хорошим садом и занимается хозяйством. 29 октября 1860 года Кирилл, проездом через Воронеж в Тулу, по старой памяти, был в гостях у почет. гражд. А-ва, где когда-то он постоянно жил. За чаем, на вопрос хозяина — приходит ли ему когда-нибудь охота блажить по-прежнему?... он простодушно отвечал: *Нет! подурачился, да и будет...* Замечательно, что, по словам А-ва, из бывшего лжепророка вышел хороший цветковод.

ФЕДОР

В пригородной слободе при даче проживал фабричный крестьянин Федор, имевший двух малолетних сыновей. Из желания сколотить себе и детям легкими средствами капиталец, он начал лжеюродствовать, чем и промышлял до самой смерти. Дети его выросли, начали торговать, имели уже достаточные средства к жизни; и, видя всю нелепость шарлатанства отца своего, употребляли все зависящие от них меры — усадить его дома, или заставить взяться за дело; но *мнимо-блаженное* состояние так глубоко пустило свои корни, вошло в плоть и кровь Федора, что даже влияние полиции оказалось над ним безуспешным, и она махнула на него рукой. Юродствовавший отнюдь не притворялся дурачком, но корчил из себя *облагодатствованного* человека. Он ходил в черном, засаленном полукафтаны, с длинными волосами, без шапки и босой во всякое время года. На голове у него был какой-то обруч, обернутый чер-

ною сальной тряпицею, с нашитым на ней позументным крестиком; носил он длинную палку, с железным на нижнем конце острием, на верхнем же сделан был крест, обшитый шелковыми тряпочками, на которых развешаны были металлические и стеклянные образки. В таком виде ходил он свободно по улицам, площадям, церквям и монастырям города, громко распевая духовные псалмы. Нередко случалось, что пением своим нарушал он порядок церковной службы и с желавшими воздержать его вступал в громогласный спор. Обыкновенным местом пребывания его была монастырская галерея, в известные времена года битком набитая богомольцами из сел и деревень. Иногда он громко пел, а иногда молча молился Богу, делая размашистые кресты с сильными ударами по голове, груди и плечам; земные поклоны его сопровождались сильным стуканьем лбом об пол. Около него группировались толпы любопытных богомольцев и наделяли его милостынею, приговаривая: помяни за упокой или за здоровье такого-то; Федор молча брал деньги и громко творил поминовение. По окончании церковной службы, когда весь народ скопился около монастыря, он становился среди монастырской площади, оставлял одну руку с жезлом для целования креста в тряпицах, где по словам его зашиты были частицы мощей, а другую протягивал для сбора денег. Каждый богомалец подходил, прикладывался к образам на палке и давал грош. Бесперывный перечень душ, которых он обязывался помнить, надоедал ему; и вот, едва крестьянин или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить: «помяни...» святоша прерывает начатую фразу лаконическими возгласами, с киваньем головой, *знаю!.. знаю, кого!.. знаю!...* Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: *вот уж подлинно-то святая душенька! ты только рот разинешь, а уже он и знает кого нужно помянуть...* Этот потаскушка слыл за предсказателя только у одних приезжих господ, которые нередко посылавали за ним экипажи; в глазах же коренных жителей Воронежа он не имел ровно никакого значения.

ОТЕЦ СЕРАФИМ

Последнее нашествие блаженного фокусника на Воронеж было в 1859 году. Государственный крестьянин Нижнедевицкого уезда, села Везноватки, Ермил Сидоров, бросив жену и семейство, преобразовался в какого-то *отца Серафима* и пошел таскаться сначала по деревням и уездным городам, а потом пожаловал на вакантное место в Воронеж. Хорошо обутый, одетый в суконное полукафтанье, с монашеской скуфейкой на голове, скоро втерся он в несколько купеческих домов, где и пророчествовал, как только доставало уменя. Одна почтенная старушка, купеческая вдова В-ва, имея собственный каменный дом, приютила у себя отца Серафима. При доме ее был сад, в котором находился флигелек в одну комнату; в нем-то и поселился Серафим. С В-вою жил ее сын холостой человек, да приказчик, племянничек ее Григорий К-н. Каждую ночь сын В-вой, после ужина, прощаясь на сон грядущий с матерью, обращался к ней с вопросом: «Маменька, позвольте мне пойти к отцу Серафиму помолиться Богу?» Ну что ж! ступай, Христос с тобою! было обычным ответом. В один вечер сын ранее обыкновенного обратился к матери с подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую он держал в своих руках и которую никогда не брал с собою прежде, поселила в ней какое-то безотчетное подозрение. Спустя часа два, мучимая разными предположениями и сомнениями (сын любил немножко покутить), старушка позвала к себе прикащика. «Гриша, а Гриша! поди, матушка, посмотри — что мой Ваня делает у отца Серафима». Гриша, мужчина лет сорока семи, тотчас же отправился по поручению в сад, где подойдя к дверям кельи, по обычаю монастырскому пренаивно проговорил нараспев входную фразу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!...». Аминь! отвечал голос за дверь. Гриша взошел и остолбенел от удивления: на столе был штоф водки и осетрина, а за столом сидела мертвецки пьяная

женщина; Ваня был не в лучшем положении; Серафим однако ж не был пьян. Все виденное Гришей было передано старушке В-вой, и Серафима прогнали вон.

Из дома одного чиновника, где было нашел пристанище отец Серафим, выгнали его за то, что он, несмотря на тяжесть носимых им вериг, слишком уже наглядно начал ухаживать за хозяйкою в отсутствие ее мужа. Молоденькая купеческая жена О. Е. Ф-ва, кончившая курс в одном из частных пансионеров, но сильно зараженная пусто-святством, очень ласково принимала Серафима и благоговейно выслушивала всю чушь, которую он говорил ей. Вот что рассказывала о пророчестве Серафима молодая дама А-ва, хорошая знакомая Ф-вой. У мужа А-ой пропали из комнаты деньги; пока производился розыск их полициею, А-ва с своей сестрою-девушкою, зная, что у Ф-вой будет Серафим, отправились туда из любопытства испытать его пророчество. При входе А-вой с сестрою, Серафима поили чаем, и он, обращаясь к хозяйке, говорил: «Ты мне послаже, послаже налей; положи побольше сахару, да варенья; не жалей! Не жалей...» Потом, не обращая внимания на вошедших, он сказал: «Вот пришли! Они думают, что я цыган, буду им ворожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка!» Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А-вой: она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф-вой, и потому не обратила особенного внимания ни на лже-пророка, ни на пророчество. Серафим показывал приехавшим свою скуфейку и говорил, что она не обыкновенная, а железная; показывал также вериги; называл сестру А-вой своею невестою, становился с нею перед образами и, снявши с ее пальца золотой перстень, надел его себе, и сказал, что теперь уже они обручены друг другу. Перстень он унес с собою и не отдал назад. Удивительно, откуда мог достать полную одежду схимника. Особенность покроя и все малейшие подробности ее не могли быть известны обыкновенному портному, тем более, что, сколько мы знаем Воронеж и его монастыри, никто из монашествующих не принимал на себя схимнического сана. Схимну надевал на

себя Серафим только лишь в кельи, во время богомолья. Недолго, однако ж, пошатался по Воронежу этот обманщик; вероятно, он увидел, что проделки его с каждым годом будут все более и более терять свою цену, а потому покинул Воронеж и, как говорят, отправился в Москву.

БОРОДАТЫЙ МУЖИК

Одно время в Воронеже мрак суеверия до такой степени распространился, что даже сама полиция прибегала к его помощи. В 18.. году, у полковника Л-го была украдена шкатулка с драгоценными вещами. Л-й на другой же день обратился с просьбою о розыске вещей прямо к губернатору, который тотчас же приказал полиции принять все меры к отысканию. Должность полицмейстера временно исправлял в то время состоявший при губернаторе для особых поручений подполковник В. А. П-в. Ревностное желание угодить начальнику, блеснуть перед обществом своими юридическими знаниями и полицейским соображением, подвинули П-ва принять живейшее участие в розыске. Он сбил с ног всю полицию, измучился и сам, но вещи, как в воду канули, даже следа не открыли. П-в стал в тупик. Думал, думал он и наконец попал на счастливую мысль: пригородные слободы Воронежа богаты знаменитыми ворожеями и знахарями, которые многим угадывают о пропажах; будем и мы гадать; идет! воскликнул П-в, и лицо его просияло надеждою. Выписан был известнейший по этой части знахарь, бородатый мужик в смуром армяке. Привезли его прямо в одну из городских частей и поме-

стили в канцелярии; мужик объявил, что гаданье должно быть *на тощее сердце*. Наутро подполковник П-в, ратман полиции, купец А., частный пристав, квартальные и канцелярские служители собрались в канцелярии части и с покорностью ожидали вещей слов мага. Бородатый плут потребовал миску чистой воды, поставил ее на стол под образами и начал что-то нашептывать. Окончив свои заклинания, он отступил шага на три от стола с мискою, обратился к присутствующим и с суровою таинственностью сказал: «Молитесь все до единого в землю!» — Чудная была картина: здоровый мужичище делал размашистые кресты и стучал лбом об пол; за ним с благоговейным смирением, усердно клали земные поклоны подполковник П-в, частный пристав, ратман и все предстоящие. Когда окончилась молитва, знахарь взял миску и стал смотреть в воду. П-в, наострив уши, весь превратился во внимание. Знахарь описал приметы вора, объявил признаки места его жительства и сказав о том, где спрятаны вещи, — распустил честную компанию. П-в раскинувшись умом-разумом и посоветовавшись с кем нужно, приискал вора по приметам и сейчас же нагрянул на какой-то домишко. Всполюшивши всех соседей, перепугали хозяев дома, перевернули все вверх дном, но не только вещей, даже и следов подозрения не отыскали. Поехал П-в, понуривши голову и чуть не плача; но знахаря, говорят, маленько посекли, да и отпустили восвояси.

Я. Горицкий

**ПРОТЕСТ
ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА,**

**НА ГОСПОДИНА ПРЫЖОВА,
ЗА НАЗВАНИЕ ЕГО ЛЖЕПРОРОКОМ**

ПРОТЕСТЪ
ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА,

НА

ГОСПОДИНА ПРЪЖКОВА.

ЗА НАЗВАНІЕ ЕГО ЛЖЕ-ПРОРОКОМЪ.

Соч. Д. Горницката.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА.
1861.

ПРОТЕСТ.

«Иван Яковлевич, лжепророк»! Это идея г. Прыжова. Страшное имя для человека! И еще страшнее для того, кто незаслуженно называет им своего собрата! Впрочем, это, может быть, только для нас малодушных; а для геройства г. Прыжова, как видно, ничего не бывало: для него все — вздор, все — пустяки. Ему стоило только съездить в Преображенское; отдать двадцать копеек за вход в «безумный дом»; посмотреть — как живет да поживает Иван Яковлевич, т. е., что он делает: просто лежит — только, или спит; что он говорит; что и как он ест и пьет; кто около него находится и как обращается с приходящими к нему, — и, потом все это записать, напечатать статью или книжку, заклеив Ивана Яковлевича на вечные времена, ужасно позорным именем «лжепророка». Как же после этого не сказать, что г. Прыжов — герой, человек не робкого десятка!

Нам недавно попала в руки брошюрка г. Прыжова, о житии Ивана Яковлевича, изданная им в С. Петербурге 1860 г., — и что же? смотрим на нее, и не верим глазам своим; ищем лжепророка — Ивана Яковлевича, но, к немалому удивлению нашему, не находим его. Где же он? Где же, спрашиваем, этот полубог или, по выражению г. Прыжова, идол русской женщины — Ив. Яковлевич, которому воздают какую-то особенную честь поклонники его, и, в особенности, поклонницы Московские? Где же, наконец, идея автора о лжепророчестве Ивана Яковлевича?...

Да она (идея-то), говорят нам, осталась в «Нашем времени»*, да в самой глубине сердца напечатанной книжки г. Прыжова.

* Прежде появления в свет брошюры г. Прыжова о «житии Ив. Яковлевича, известного пророка в Москве», была помещена статья его в «Нашем времени» (№ 34), под заглавием: «Иван Яковлевич, лжепророк».

Что за пропасть?! Просим покорно добиваться тут до лжепророка, Ивана Яковлевича! Но делать нечего; посмотрим, как он там обретаётся, — именно только посмотрим; а самый разбор брошюрки г. Прыжова предоставим самому Ивану Яковлевичу; может быть, он и сам этого желает. Он, ведь, сам может подать голос, потому что человек не сумасшедший, по засвидетельствованию самого г: Прыжова; на что, прежде всего, и спешим читателю привести доказательства.

«Иван Яковлевич», говорит автор жития его, «пишет очень хорошо, но нарочно делает каракульки вместо слов, чтобы в его писании было больше чудесного» (стр. 18). Это первое удостоверение автора, о присутствии разумности в Иване Яковлевиче.

Далее, г. Прыжов, при посещении своим Ивана Яковлевича, рассматривая его физиогномию (впрочем отворотясь от нее), потому что высокий лоб, (признак великого ума, по замечанию даже физиологов), лысая голова, (знак великих дум, а может быть только печать болезни, трудов и 80-ти летней старости) и какое-то придавленное лицо, (вероятно изменившееся в такой вид от приближения нему, в то время, враждебного духа) отняли у него (г. Прыжова) дух и ту энергию, с которой он явился к нему, надлежащим образом рассмотреть, или, вернее сказать, *изучить* Ивана Яковлевича), повествует: « Иван Яковлевич молчит, или почти не отвечает на все предлагаемые ему вопросы». Сторож ему и говорит: «Иван Яковлевич, что же вы *не скажете* ничего господам? скажите что-нибудь им?» «Я устал», отвечал он, но потом сказал кое-что очень обыкновенное, потому что видел около себя образованных людей» (Стр 21).

Истинно! истинно, г. Прыжов! Как же бы он, при отсутствии в нем ума человеческого, мог отличить стоящую пред ним высокую образованность, желающую подвергнуть его своему изучению, от невежества сидящего у него на диване или молящегося пред св. Иконами? Ведь известно всякому, что ныне только тот крестится и молится, проходя мимо храмов Божиих и при входе в дома, кто прене-

брегает моду, давно усиливающуюся выгнать из жилищ образованных людей св. Иконы и все, что напоминает о святине, столь оскорбляющей их сердце; а вы верно не помолясь на Иконы, стоящие у Ивана Яковлевича, подошли к нему?

Это второе показание г. Прыжова об Иване Яковлевиче, как о человеке смыслящем!

Наконец г. Прыжов, рассказывая о почитателях Ивана Яковлевича и о происшествии с некой г-жей Г-ой, говорит: «Но не ко всем добр Иван Яковлевич. Настоящих дураков и он даже (!) гоняет от себя, особенно, когда они обращаются к нему с нелепыми вопросами» (Стр. 23).

Прекрасно! Довольно! Нет никакого сомнения, даже по уверениям самого г. Прыжова, что Иван Яковлевич, человек неглупый, даже умный. Пусть же он сам за себя и ратует пред ним. А мы с своей стороны, по вызову г. Прыжова, решаясь встать только на месте сторонников Ивана Яковлевича, имеем намерение высказать здесь г. Прыжову лишь несколько слов и мнений своих в опровержение главной идеи его; и при том, с таким нашим уверением г. Прыжова, что мы решительно не изуверы и не поклонники Ивана Яковлевича, даже скажем более: мы во всю жизнь свою ни разу не были у Ивана Яковлевича; и если бы г. Прыжов не познакомил нас с его портретом, приложенным при его книжке, мы бы и до сих пор оставались вовсе не знакомыми с Ив. Яковлевичем. А за это искренне благодарим г. Прыжова. — Но может быть г. Прыжов останется недоволен нашими мнениями; то вслед за ними помещаем уже собственное обращение Ивана Яковлевича к г. Прыжову, и его протестацию. Как нее это покажется г. Прыжову, не знаем; но смеем думать, что многие из читателей согласны будут и с нами. Из уважения же к Ивану Яковлевичу, как к главному действующему лицу и в брошюрке г. Прыжова и в нашей, и главному претенденту на г. Прыжова, мы свое маленькое изданию имеем право назвать, и называем: «Протест Ивана Яковлевича на г-на Прыжова, за название его лжепророком».

Итак, юридически приступая к самому делу и всматриваясь в предложенную нам брошюру г. Прыжова, «житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве», во первых, мы находим, что она состоит из 30-ти страниц собственного сочинения г. Прыжова. Из них первые 13-ть автор наполняет, без скупости, историческими продуктами о ханжах, юродах, уродах, убогих и проч.; говорит о их происхождении или появлениях, занятиях, приютах или помещенных и зазорном их поведении; наконец, поименовав более знаменитых или известных древних юродивых и блаженных, причисляет к ним и Ивана Яковлевича, говоря о нем таким образом: «древнерусских юродов мы можем изучать, в настоящее время, на живых образцах, сохраняющихся в матушке Москве, где, кроме *Ивана Яковлевича*, есть еще и другой пророк Семен Митрич». Теперь, кажется, понятно нам и ясно читателю, почему г. Прыжову нужны были исторические материалы, — понятно и то, почему Иван Яковлевич у него лжепророк!

Но, рассматривая самые факты, приведенные г. Прыжовым и сделанный из них вывод об Иване Яковлевиче, мы замечаем, что такой силлогизм построен не на твердом основании и потому стоит неправильно, криво, — того и гляди, что повалится; а оттого и заключение его выходит неосновательно и даже совсем ложно. Ставить Ивана Яковлевича в уровень с юродами, взятыми из древней Руси — совершенно нельзя; потому что сам же он, замечая в тех остатки древнерусского язычества, в Иване Яковлевиче — их не нашел (стр. 12); стало — Ив. Яковлевич принадлежит к другой категории юродов, гораздо лучшей, по нашему мнению, и высшей по чистоте своей; но к какой именно, об этом скажем в своем месте: а пока, между прочим, откроем г. Прыжову наше впечатление, какое мы почувствовали при чтении его книжки, от способа составления оной.

Метод сочинения г. Прыжова показался нам вроде следующего: нам представилось, что будто бы некто написал книжку о самом г. Прыжове и назвал ее житием Ив. Гавр. Прыжова, лже-эскутора такого-то департамента; а в самой книжке рассказывал, как Китайцы любят сидеть на «кор-

точках» и, всегда желают, чтобы и другие при них точно так же сидели и, наконец, каким культом окружает себя Китайский Император, а о г-не Прыжове, из всего этого, вывел именно то заключение, что он, должно быть, действительно лже-эзекутор. Извините г. Прыжов за сравнение; может быть наша фантазия покажется вам несколько дика; но... нам именно так странен показался способ вашего сочинения, «жития Ив. Яковлевича».

Далее, г. Прыжов, на двух или трех страницах, излагает краткую биографию Ив. Яковлевича, еще молодых лет его, присовокупляя обстоятельство, заставившее его поселиться на жительство в лесу, и то происшествие, по которому он взят был, по распоряжению Смоленского губернатора, и отправлен в Московский «безумный дом», — и заключает все это следующими насмешливыми словами, называя опять Ив. Яковлевича — пророком: «ехал Ив. Яковлевич в Москву, а слава его бежала впереди и распространяла слух, что едет пророк, чудесно все угадывающий и предсказывающий».

За исключением этого несчастного и неуместного юмора, мы все-таки должны сказать по совести, что эти страницы для нас показались более всех, — и предыдущих и последующих, — полезными и поучительными. Мы узнаем из них, например, что Ив. Яковлевич был сын священника и получил окончательное образование в духовной Академии. А это такие крупные факты, которые г. Прыжов, кажется, должен бы был непременно принять в соображение при решении своем столь ужасающего нас приговора над Иваном Яковлевичем. Но он не только не принял их в уважение и не подумал о них, а даже, как видите, жестоко издевается над ним. Жалкая неосторожность! Шаткая торопливость! Более г. Прыжову, по скромности своей, приписать ничего не можем. Иначе легко можно встать нам на месте автора «жития Ив. Яковлевича».

Но, послушайте же г. Прыжов, почему два выше приведенные и нижеследующие факты, из жизни Ив. Яковлевича, должны быть для вас и для нас равно интересны и дороги. Мы думаем; если бы — вы руководствовались ими, то

не пришли бы к ложному заключению, что Иван Яковлевич — лжепророк; для нас же они теперь нужны потому, что мы заимствуя от них силу и возможность, можем найти крепкую опору опровергнуть ваше несправедливое мнение, насчет Ив. Яковлевича, а может быть и утешение, хоть впоследствии, услышать, если несовершенно ваше раскаяние, по крайней мере более отрадное для нас, и более выгодное для Ив. Яковлевича суждение. С этою целию, останавливаясь здесь и останавливая ваше внимание, объясним вам самые факты:

а.) Иван Яковлевич — сын священника: значит, первоначальное воспитание получил он под руководством такого пестуна, который, нельзя думать, чтобы не указал своему сыну настоящей дороги к истине и добродетели. Руководя других, оставил ли бы он сына своего без должного наставления? Стало быть Ив. Яковлевич в детстве своем мог получить что либо прочное в запас и на будущую жизнь свою. Положим, что все это со временем легко может забываться, зато, когда нужно это бывает, скоро и припоминается. «Что посеешь, то и пожнешь, непременно».

б.) Ив. Яковлевич получил окончательное высшее образование в духовной Академии; стало, темная повязка, если только она еще висела над глазами Ив. Яковлевича, здесь должна была совершенно упасть. Здесь, вероятно, он мог основательно узнать, что такое истинное юродство, и что такое противное всем образованным людям ханжество и пустосвятство; вероятно слышал, еще прежде автора его «жития», и о тех исторических личностях, на которые указал нам г. Прыжов. Как же после этого можно было думать, и нам соглашаться, чтобы Ив. Яковлевич, с таким запасом сведений, — и притом с истинно религиозным направлением, — мог сбиться на тот опасный и ложный путь, на который поставил его г. Прыжов? Кто теперь поверит ему, чтобы Ив. Яковлевич ушел в лес по другой какой-либо причине и принялся за такое преступное дело, как лжепророчество, в котором есть «посягательство на имя Божие и даже на вдохновение Божественное в делах и словах одной лжи в обмана?» Но об иных причинах здесь и речи быть не

может; с этим намерением, вначале, мы и поставили на вид читателю доказательства, свидетельствующие о здравости мыслей Ивана Яковлевича.

в.) Иван Яковлевич взят из лесу насильственно, и 43 года содержится в «безумном доме»; ему теперь уже 80 лет от роду. Вообразите же благосклонные читатели, подумайте и вы, автор, строгий судья Ивана Яковлевича: что было бы со всеми теми, искавшими тихого и безмятежного уединения для лучшего и удобнейшего благоугождения Богу, для собственного спасения и молитв о ниспослании милости Божией грешному миру, если бы всех их, подобно Ивану Яковлевичу, забирали из избранных ими мест и жилищ и отправляли их в «безумные дома»? Были ли бы у нас тогда св. затворники и отшельники? и как бы они тогда поступали, когда бы все таковые сидели на местах Ивана Яковлевича, в больших городах, подобных древним Вавилонам? А ведь все знают, и мы верим, что были у нас и такие люди юроды, которые ходили нагими и, вообще, странным поведением своим многим, может быть, и в то время не нравились, а в нынешнее, цивилизованное, вовсе пришлись бы не по вкусу, в особенности г. Прыжову, потому что он на все древнерусское смотрит мрачными глазами; однако, они таковым житием своим уже угодили Богу, и церковь наша прославив их, чтит и ублажает св. память их. Таковы были: Василий Блаженный, Максим, Прокопий, Андрей — юродивые, и проч. В недавнее время был у нас и старец о. Серафим, живший в лесу, близ Саровской пустыни, и отличившийся своими благочестивыми делами: но что бы было с ним, если бы, в начале его подвигов, напал на него какой-либо герой, вроде героя 1812 г., и нашелся подобный губернатор Смоленскому? Увы! г. Прыжов и о нем не задумался бы сказать не лучше того, что сказал он об Ив. Яковлевиче. Говорим это потому, что г. Прыжов, как увидим ниже, не хочет верить никаким старцам, юродивым и блаженным. Бог с ним! Это его дело. Нам же, на основании приведенных случаев, здесь уже следует исполнить свое слово и сказать г. Прыжову, к какому роду юродивых относится наш Иван Яковлевич.

Судя по тем обстоятельствам, какие мы видели, по началу жизни, избранному Ив. Яковлевичем и продолжению ее, мы находим в нем признаки, по которым он близко подходит к Христа-ради юродивым, т. е. таким людям, которые добровольно, отрекшись от мира и от всего *яже в мире*, единственно из любви ко Христу и ближним, по заповеди Его, приняли на себя такой труднейший образ жизни совершенно на тот конец, как мы выше заметили, и по мнению о. Архимандрита Феодора, «чтобы на этом поприще вернее привлечь на себя и на ближних своих милость Божию.» Мнение же наше, что и Ив. Яковлевич, по тем же самым намерениям, отрекся от всего земного, так часто увлекающего нас от истинного благочестия, подтверждается его действительною и настоящею нестяжательностию, о которой узнал и сам г. Прыжов и не умолчал в своей книжке. Он говорит: «Ему (Ив. Яков.) приносят дары, с упованием некия пользы, но он.... сам ни чем не пользуется (т. е. не наживается), а все раздает окружающим его». Кроме того, при «безумном доме», где содержится Иван Яковлевич, в честь его устроена «кружка», куда доброхотные датели влагают свои лепты, на которые, как мы слышали, и содержатся все те несчастные, которые имеют счастье только жить под одной кровлей с Ив. Яковлевичем. А это разве не христианская любовь? Не соблажняйте, г. Прыжов и тем, если представится не совсем верному и живому воображению вашему, что это не его любовь, а как будто бы пришедшая к нему от правительства, или от окружающего его культа. На все есть, была и будет воля Божия, всегда действующая и управляющая вашими делами, мыслями и желаниями ко благу. А тут-то мы и видим исполнение этой воли, где платится любовью за любовь, — а потому, мы еще должны благодарить правительство за то, что все так устроило на пользу живущих с Ив. Яковлевичем, что допустило свободный доступ к нему, за самую умеренную плату, желающим посещать его. Посадивши его в этот дом и продержавши там 43-и года, конечно и вы согласитесь, не логично было бы, и поздно уже опять выгонять его в лес

или заставить его возвратиться к занятиям, какими мы обыкновенно занимаемся. Но здесь оставляем место обо всем этом подумать самому г. Прыжову.

После краткой истории об Ив. Яковлевиче, до привезения его в «безумный дом», г. Прыжов продолжает рассказывать о чудесах его, уже в самом доме, раздаваемых им записочках, значении и происхождении их, загадочности их, об обращении с посетителями, наконец рисует обстановку его жилища и самый быт, который до того не понравился г. Прыжову, что у него не достало духа и рассмотреть Ив. Яковлевича. Но тут нам останавливаться не над чем, и при том, опасаясь, как бы не нарушить приличия некоторыми нескромными картинами и выражениями г. Прыжова; а если кто из читателей найдется полюбопытнее, то таковых отсылаем к самому его сочинению. Нам же показалось интереснее этого следующее место, где он, основываясь на свидетельстве князя Долгорукова о неговении Ив. Яковлевичем лет по десяти, чему мы неохотно верим, причисляет его уже самым безжалостным образом к ханжам юродам-кощунам (заметьте: он говорит это сказавши уже о его бескорыстии; а ханжи, известное дело, только и стараются о том, как бы что-нибудь у кого-либо выманить себе), у которых «считалось достоинством всякое кощунство над религиозными и церковными предметами» — и на это тут же выставляет какой-то безымянный или темный факт. «Так, говорит он, один юродивый, рассказывается в легендах, имел обыкновение бросать в церковь камнями.» Кто этот юродивый? где, в каких легендах об этом рассказывается? Г. Прыжов молчит и даже не дает труда себе цитовать об этом. Почему же это так? Мы имеем право догадываться, что он это делает с нечистым намерением. Выше нами замечено, что г. Прыжов никаким юродивым не верит, даже и таким — каков был Василий Блаженный; и вот, чтобы всех юродивых подвести под один уровень и в нем как можно крепче запереть Ив. Яковлевича, он решил исказить один случай, слышанный им из жизни упоминаемого нами Блаженного, и показать его нам в том самом виде, в каком прочитали у г. Прыжова. Но чтобы чита-

тель мог убедиться в догадках наших, приводим этот случай, от слова до слова, из краткого сказания о житии и чудесах этого Блаженного:

Егда идяше Святый мимо дому такового, в нем же совершахуся молебная пення, или Божественнаго писання чтения, или беседы благия о Бозе, или иное какое благое и Боголюбезное дело, абие свираше каменне, и меташе оное со осклаблением во углы онаго дома. Егда же вопрошаху его о сем мимо идущии, иво обыкоша уже вопрошати его людие, он же со утешением абие отвещаваще им: яко оными каменьями сгоняет с углов бесов, имже в таком доме, совершаемом святынею и благодворением, пристанища не обретаются, и места им внутри дома сего несть, но, изшедше, ко углам сим прицепляются. Сего ради, дабы и на углах тех они не имели себе пристанища, аз, говорю Блаженный, сгоняю их со оных, и хвалю и благодарю дому владыку, таковая добрая дела творящего, ими же изгонит бесов из храмины своея. Егда же идяше мимо такового дому, в немже пият вино, или песни безстыдныя воспевают, или пляшут, или иное что, святыне противное творят, абие притек ко углам дому того, лобызаше оныя со слезами. Егда же мимондущии вопрошаху его: чего бы ради таковая творил он? с плачем к ним отвещаваше: яко не подобающая христианом в сем доме творятся. Спаситель бо повеле нам непрестанно молитися, да не внидем в напасть, а не суетными и тленными вещми и делы неподобными сего мира веселитися и тешатися. Речено бо сим негде: *горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете**. Сей же дом творит таковая днесь, и изгоняет от себе блюстителей и хранителей своих, от купели святой на соблюдение нас приставленных к нам святых Ангелов, *ниже* и места тамо не обретаются: иже не терпяще таковых деяний непотривных, сядят на углах сих скорбны и унылы, и сего ради аз лобызах их. Вам же мнится, яко самыя те углы лобызах. Несть тако, но Ангелы лобызах, и молях их, да по-

* Луки 4, ст. 25.

молятся они о тех человецех, к нимже приставлены суть от Бога ангелы, да спасутся и не погибнут. И слышавше людие сия от него, умняхуся сердца своими, и благодариша его за сие. И ни единого еже творимого им действия оставляху без вопрошения*.

Вот как было дело, г. Прыжов, а не так как вы изобразили его в двух строках своих! После этого примите наш благой совет: лучше не верить, нежели исказить факты; безопаснее оставить пророчества или предсказания Ив. Яковлевича, без исследования, нежели называть его лжепророком.

В свою очередь, г. Прыжов и некоторые из читателей могут спросить нас: кто же, наконец, Иван Яковлевич?

Теперь отвечать уже нам не трудно: данные у нас готовы, которые, кажется, видели и сами читатели; остается только собрать их в одно целое и составитя определение, которое и даст порядочное понятие об Иване Яковлевиче. Итак:

Иван Яковлевич, решительно говорим, не лжепророк и даже не пророк, а человек обыкновенный, получивший правильное воспитание домашнее, и весьма достаточное истинно-религиозное образование в духовной Академии, только, по настроению души своей и внушению Св. Духа, пожелавший тихого, благочестивого и безмятежного жительства в лесу; потом — насильственно лишенный скромного своего намерения и посаженный в дом безумных, где ныне бескорыстно подающий одни советы, известным ему образом, не для всех понятные, всем тем добрым людям, которые добросовестно занимаются своими житейскими делами, семейством, воспитанием детей в духе нашей православной веры и благочестия, и в постоянной заботливости сохранения этой веры, — наконец, всем тем, которые ищут успокоения, теплого сердца и доброго привета, от угнетающей их среды, в которой они не по силам и средствам обре-

* Кратк. сказ. о жиз. и чудес. св. Бл. Василия. Москва. 1857 г. стр. 27.

менены разными заботами, трудными и неудобовыносимыми.

Вот кто такой, по нашим понятиям, Ив. Яковлевич!

Но книжка г. Прыжова еще не кончилась. Он, говоря об Ив. Яковлевиче и беспощадно осуждая его, точно так же, на следующих страницах, бесцеремонно и жестоко поступает со всеми, кои имели или имеют малейшее поползновение познакомиться с Ив. Яковлевичем. У него всем готов строгий приговор, не исключая родственников и даже своей матери (стр. 22). Он признается нам, что бабушка, тетушка и матушка его были усердными почитательницами Ив. Яковлевича; а все окружающее его, по словам г. Прыжова, есть *нечисть* (стр. 25); следовательно и мать — *нечисть*? А кто же, после этого, будет сам г. Прыжов?? Пусть же, скорый и великий мастер на решения и осуждения, потрудится уже разрешить нам — сам и эти вопросы!

Наконец, г. Прыжов, заключая житие Ивана Яковлевича, прибирая и приравнивая к нему других, по мнению его, сродных ему и окруженных также своим культом, который больше состоит из барынь и купчих, осуждаемых им на непроходимое невежество, как самый неистово-рьяный прогрессист кричит: «Воскресных школ! Бога ради воскресных школ на каждом углу»!! И что же? Тут же, только на другой странице, как в некую нечистую яму низвергаясь вниз головою, впадает в сильное себе противоречие. Он говорит, что 33-и письма, приложенные к книжке его, взяты им у одной дамы, бывшей воспитанницы Екатерининского института, имевшей 20 лет сношение с Ив. Яковлевичем, следовательно, образованной и давнишней почитательницей его. Что же теперь, по мнению г. Прыжова, выше: Институты, или Воскресные школы? Как вы думаете, читатель? Вижу, что вам не разрешить этого вопроса; а я скажу вам: чтобы истинно образовать себя и не быть почитательницами и почитателями Ив. Яковлевича, так надобно ходить для того в Воскресные школы, а Институты закрыть. Вот об чем толкует вам г. Прыжов! Так ли г. автор жития Ив. Яковлевича? Да? Ну и *finis coronat opus!*

Прекрасные почитательницы Ивана Яковлевича! На долю вашу больше всех пришлось выслушать упреков от г. Прыжова и потерпеть от него унижения. Примите же этот малый труд мой с тою любовью, какою вы всегда готовы, от нежного сердца вашего, награждать всякое доброе дело. Пусть он послужит вам опровержением взводимой от г. Прыжова клеветы на вас и истинным объяснением об Иване Яковлевиче.

Что же сказать нам самому Ивану Яковлевичу?

*«Блажени, говорит Спаситель наш Иисус Христос, изгнани правды ради; яко тех есть царствие небесное. Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради.»**

Вот вам, от нас и утешение, осужденный старец!

* Матф. гл. 5, ст. 10 и 11.

ГОСПОДИНУ ИВ. ГАВР. ПРЫЖОВУ

ОТ ИВ. ЯКОВЛЕВИЧА

Высокоблагородный сын Фемиды! Ревнитель правды, строгий судия и страшный обличитель! Честь имею доложить вам (пишу канцелярским слогом в том убеждении, что он более приличествует сущности дела и положению подсудимого), что я всем вышеизложенным оставался бы вполне доволен, и готов бы был, положи руку на сердце, сказать своему благодетелю за доброе слово его обо мне одно крепкое-русское «спасибо», — и больше не разглагольствовать, — если бы краткость изложения не оставляла мне места и самому — мне повести с вами речь свою; а ваше обдуманное или необдуманное (не смею пророчествовать) намерение — обойти меня, подсудного, своим вызовом на общественный суд гласности, не побуждало меня не оставлять начатого вами процесса — вовсе без апелляции. Вам и самим должно быть известно, что в подобных делах, истцам и ответчикам даются права — недовольным из них решением — переносить судопроизводство в высшую инстанцию, или просить в том же самом суде, по недостатку представленных фактов, переследовав его, вновь дать делу решение. А в нынешнее время, как я слышал, по мнению многих, нет выше и беспристрастнее того судилища, как «гласность», к которой и вы, м. г., два раза обращались уже на меня с жалобами. Позвольте же, м. г., и мне, впрочем в первый и последний раз, представить в то же верховное место несколько своих дополнительных пунктов, как для большего разъяснения, так и для совершенного уже окончания обо мне дела. Вот причины, по которым только я и сам решился говорить против вас! Прошу принять их в уважение.

Не знаю, довольны ли остались произведением вашим русская литература и русская почтенная публика (славянская же, как вижу, довольна, потому что статью вашу чи-

тал ученый Славянин Ганка); но могу быть уверен, что беллетристика «Нашего Времени» от сочинения вашего — в восторге. Ей первой принадлежит честь, исключая Моск. Ведомости, познакомить ту и другую с убогим житием моим; а потом уже книжке вашей выпала счастливая доля — подарить публику и моим страшным (впрочем не для всех) образом. Какая милая находка, какой драгоценный подарок!! Богатей, богачей русская литература! Изучай просвещенная публика странного старца, Ив. Яковлевича, доколе жив — милостивец мой, Ив. Гавр. г. Прыжов! Ив. Яковлевич теперь весь у вас в руках, даже не нужно к нему и ездить в «безумный дом »! Стало — и русская литература и русская публика удовлетворены? Но, признаюсь вам откровенно, м г., я, на первый, раз, остался очень недоволен таким гомерическим поступком вашим со мною; я посмотрел на ваши произведения с негодованием. Я думал: что если теперь, и в самом деле, все, не исключая и моих давнишних почитателей и почитательниц, запасутся книжкой г. Прыжова и вдруг перестанут делать обычные и полезные для меня и всего «безумного дома» визиты? Что тогда будет со мною и братиею? Но, о счастливая мысль! Спасибо, что ты поспешила на выручку хилого и скорбного старика, и скоро шепнула ему утешение: «не бойся старец, говорит она: книжкам г. Прыжова ведь стоить 75 к.; а к тебе прийти — только 20»! Что это? Я, кажется, заговорил уж не по-старчески; я уж забыл, что я подсудимый, и что я хотел выставить здесь только необходимые и приличные делу нашему пункты? простите м. г., вот они:

1.) Древние философы, вероятно и вам известно, прежде нежели приступали к изучению других, говорили: *cog-nosce te ipsum* (познай самого себя)! Это наставление они заповедали и нам. Но вы, м. г., им не хотели воспользоваться и поступили совершенно вопреки этому мудрому правилу: вы, прежде нежели изучать себя, начали изучать меня; а от того учение ваше обо мне вышло не верно и не полно, а заключение о лжепророчестве — совершенно ложно. М. г.! Мне кажется, что мы без самопознания, все равно,

как врачи без достаточного знания науки анатомии. Правда ли это?

2.) Если мы решаемся на какое-нибудь действие, то не иначе, как вследствие того, что мы вполне постигли чувствами, умом или верою. Но так ли вы, м. г., поступили со мною, решась издать в свет свое сочинение обо мне? Из вашей книжки того не видно, хотя вы и подходили ко мне с тем намерением, чтобы изучить меня. Вы говорите, что у вас «не достало духу рассмотреть меня»; а стало — и понять меня. Как же вы книжку-то издали? И как составилось понятие-то у вас, что я лжепророк?

3.) Опыт показывает нам, что мы любим смотреть на других с худой только стороны и не считаем за грех принимать такие меры один против другого, какие считаем приличными против подобных себе — против таких, как мы сами. Стало — каковы же мы сами? Но этого вам, м. г., не решить, потому что, как в первом пункте замечено, вы изучаете только других. Теперь по справедливости скажу вам: если бы и вы подошли ко мне с другой стороны — лучшей, то, вероятно, нашли бы что-нибудь и во мне лучше, — и тогда, я уверен, не провозгласили бы меня лжепророком ни, даже, пророком.

4.) По старости своей я не могу вспомнить, где-то я читал, что «новейшие философы ослабили почтение к старшим. Это, как говорится там, кажется они взяли со скотов: скоты — как настоящие натуральные философы — в самом деле непочтительны к своим старшим. Но зато у них нет духовного постижения, или самого высокого чувства в духе человеческом, которое развивается в старости и самой наружности истинного старца придает такое выражение, которое внушает младшим невольное благоговение к нему. И потому старость почтенна была во все времена и у всех народов». Но об вас я не могу сказать, чтобы вы не почитали старших, потому что вы и ко мне подошли не только с благоговением, а даже — со страхом, так что побоялись и

посмотреть на меня. Стало — вы не принадлежите к касте тех философов? Но отчего же так нещадно осуждаете меня и бесстрашно нападаете не только на одну жизнь мою, но и не опасаетесь бросать камнями на таких известных старцев, которые от всех вас отличаются, как небо от земли (стр. 24.)? Это стоит внимания.

5.) У нас есть много пословиц, которые, почти всеми, принимаются за плоды многолетней опытности и мудрости народной. Из них многие, даже, сложились в духе предсказаний или пророчества. Так, наприм., говорить: *чему посмеешься, тому и поработаешь*. Ужели все те, которые произносят подобные пословицы, пророки? Ужели и я буду пророк, когда захочу сказанную пословицу приложить к вам?

6.) Вы, м. г., многое в книжке своей поставили мне в вину; а главным образом напоказ всему свету выставили мою дискомфортную жизнь, и жестоко осудили меня за то, что я, по великим постам, приносимые мне постные и скромные кушанья мешаю вместе, и потом — сам ем и других кормлю, и все это, как вы говорите, имеет в глазах моих мистическое значение. Стало — обвинение ваше упало на меня от вашего непонимания моего действия; а потому считаю нужным его пояснить вам. Раз, как-то пришло в старую-глупую голову на мысль, что у вас, в свете, по великим постам, живут не так, как следовало бы, довольно разнообразно и с учреждениями св. церкви нашей не согласно. Я слышу напр., что в эти св. дни, там у вас шумные балы, то — удалые концерты, то — в театрах живые картины, лотереи и разные иностранные фокусы, а на балах — большие стерляди, пьяная уха, жирные пироги разных названий, гуси, утки, поросята; а там — в то же время, редкие удары в колокола, большие и малые поклоны, потом — хрен, редька, лук, кислая капуста, черный хлеб и русский квас. Что это такое — думаю: в одном городе, да не одни норовы? Все, кажется, христиане православные, а не все живут православно? Первые мне очень не понравились;

давай же — вразумлю их, чтобы и они жили по-христиански. Но как растолковать им, что жить им так не следует? Прямо так сказать? не послушают, — засмеются только; написать книжку? не могу; дай же составлю им такой винегрет из кушаньев, чтобы он опротивел им — всем; а если винегрет опротивеет им, то, думаю себе, наверно, тогда и беззаконная жизнь их опротивеет им, и будут жить по христианскому закону. Вот вам, м. г., объяснение непонятого для вас мешанья кушаньев; пусть послужит оно толкованием и всей моей, странной для вас, жизни!

7.) Обвиняя меня, вы не оставили без вины и русскую женщину в том, что будто бы она еще не начинала своей христианской истории. Клевета, м. г., совершенная клевета! Она давно уж у нас началась историей св. Ольги! А мать-то ваша разве не христианка? Но об этом надо говорить много, а я уж «устал».

В заключение сих пунктов, не могу умолчать и о том, что я искренне сожалею о той простодушной женщине — почитательнице моей, которая вверила вам мои рукописания. Я не желал ни вашей, довольно неверной повести о моей жизни, ни вашей похвалы, которую вы обещали мне воздать; но я желал бы, чтобы вы, по крайней мере, вперед остерегались обманывать других. Вместо похвалы вы ударили меня в ланиту, — подставляю вам и другую — только, ради Бога, не отдавайте меня суду Частного Пристава. Жизнь моя уже, как говорится, на волоске висит; а там меня рассудят, без вас!...

Все включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям в новой орфографии, с исправлением устаревшего написания ряда слов; пунктуация оставлена без изменений.

Оглавление

ЖИТИЕ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА, ИЗВЕСТНОГО ПРОРОКА В МОСКВЕ	5
26 МОСКОВСКИХ ЛЖЕПРОРОКОВ, ЛЖЕЮРО- ДИВЫХ, ДУР И ДУРАКОВ	44
Иван Яковлевич	46
Стих на похороны Ивана Яковлевича	62
Семен Митрич	63
Данилушка Коломенский	66
Макарьевна	71
Мандрыга	74
Николаша Дурачок	75
Матюша	77
Евдокия Тамбовская	79
Ксенофонт Пехорский	80
Феодосий	81
Петр Устюжский	81
Отец Гавриил Афонский	82
Маша Бусинская, пещерокопательница	85

Отец Андрей	87
Иван Степаныч	89
Татьяна Степановна босоножка и Филиппушка	92
Марья Ивановна Скачкова, лечившая водой	95
Агаша	98
Марфа Герасимовна	99
Иван Степаныч, киновиарх и блюститель женской Пехорской киноии	101
Кирюша	103
Никанор	105
Антонушка	106
Кирюша	109
Федор	111
Отец Серафим	113
Бородатый мужик	115
 <i>Я. ГОРИЦКИЙ. ПРОТЕСТ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА, НА ГОСПОДИНА ПРЫЖОВА, ЗА НАЗВАНИЕ ЕГО ЛЖЕПРОРОКОМ</i>	 117

Scriptorium



Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.